

**АНДРЕЙ ГЛЕБОВ
ШАМАН СНЕГОПАД**

**ЗОЛОТЫЕ
ПЕШКИ**

Андрей Глебов
Золотые пешки

«Accent Graphics communications»

2014

Глебов А.

Золотые пешки / А. Глебов — «Accent Graphics communications»,
2014

Рукопись этого романа, пролежала в столе более 20 лет. Ведущие издательства страны отказывались её публиковать. Но всему приходит своё время. О КГБ написано немало. Это произведение представляет собой ещё одну книгу об этой спецслужбе СССР, а точнее – о Высшей школе КГБ, в которой готовили «бойцов невидимого фронта». Язык изложения лишён высокопарности, «высокого штиля» и казённой сухости. По сути, эта книга – описание «жития» чекистской бурсы, изображённой такой, какой она была на самом деле в последние годы существования Советского Союза. Как попадали в закрытый ВУЗ, кто учился в нём и какие события происходили в его стенах? Всё это можно узнать, прочитав роман «Золотые пешки», персонажи которого имеют реальных прототипов или являются историческими лицами.

© Глебов А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Введение	5
Предисловие	6
Глава 1. Застенки	7
Глава 2. Бычок	9
Глава 3. В гостях у немцев	13
Глава 4. Бочка	18
Глава 5. Перемены	26
Глава 6. Москва – Джакарта	29
Глава 7. Париж	32
Глава 8. Прощай, Германия!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Глебов, Шаман Снегопад

Золотые пешки

Введение

Высшая Краснознамённая школа КГБ СССР некогда считалась закрытым объектом, не значилась в адресных справочниках и не имела на своём фасаде какой-либо идентифицирующей таблички. Мало того, на картах Москвы по закреплённому за комплексом зданий адресу ул. Пельше, д. 4 значился универмаг «Люкс», расположенный в Олимпийской деревне.

В настоящее время этот ВУЗ не является *terraincognito*.

После распада СССР Школа была переименована в Академию ФСБ и имеет официальный сайт. Кроме того, информация об Академии содержится на интернет-ресурсах выпускников, ветеранов КГБ-ФСБ и других открытых источниках.

Предисловие

Всё, что здесь написано – правда. А правда, как известно, не является истиной.

Глава 1. Застенки

Узник жаждет свободы. Избитая банальность. В данном случае до иссиня-черного колера.

– Фашисты!!! – прошипело сквозь решётку свинцовое слово. Это финальное существовательное было единственной печатной частью речи из всей кипящей инвективы.

Сергей стоял, прислонившись к сырой стене камеры, и в бессильной ярости смотрел в забранное железом узкое, расположенное вровень с плацем, крохотное окошко. Снаружи в него, подогнав грузовик, ссыпали торфяные брикеты. Падая с двухметровой высоты на бетонный пол каземата, чёрно-бурые бруски поднимали облако, искрившееся в солнечных лучах немецкого солнца колючими блёстками.

Клубившаяся взвесь лезла в глаза и нос, покрывала тонким слоем кожу, лакировала волосы и отделывала бархатным пушком несвежее солдатское хаки. Лишь сапоги были безразличны к творившимся метаморфозам, принимая на себя матовый налёт полезного ископаемого.

Если предположить, что камера будет завалена до потолка, то ископаемым непременно станет и её узник. Только ископаемым бесполезным. Какой толк от мёртвого солдата вне поля брани? Нулевой. Плюс возня впридачу. А это уже минус.

Прикрыв лицо и сощутив глаза, Сергей дышал сквозь хэбэшку, проклиная про себя своих мучителей, которые от скуки потешали себя свежей забавой – засыпали торф в тюремные камеры. Брикета было много. Его привозили со станции и доставляли в котельную. Но сегодня его сгрузили во внутреннем дворе и стали сваливать в окна подвальных помещений, новосёлом одной из которых довелось стать Сергею.

До него здесь мучилась уйма несчастных персон. И самая известная из них – Роза Люксембург. Но этот занимательный факт, о котором Сергея просветили ещё в день прибытия, его совершенно не тешил. Преемственности с пламенной революционеркой он не ощущал, а исторические параллели и вовсе проводить не хотел. Её же зверски убили!

Мрачная чёрно-коричневая кисея, затянувшая камеру, навевала мысли в стиле а-ля-декаданс. Брикетная куча, напоминавшая выступ египетской пирамиды, таила в себе угрозу дальнейших мытарств. Казалось, что в её утробе скрывался вход в загробный мир, куда Сергея совершенно не тянуло. Зато в воображении парили образы полуистлевших мумий из погребальных камер долины царей.

Когда торфяное облако осело, дверь застенка открылась. Замаячил фантом охранника с обликом архонта, уготовившего для Сократа цикуту. Не перешагивая порог, он осмотрел горку брикета, затем Сергея и скаламбурил.

– Обурел?

Сергей блестел глазами белками поднявшегося из забоя шахтёра и угрюмо молчал.

– Давай, стабилируй вдоль стены, – последовал приказ. – Тютелька в тютельку. Время пошло!

Узник тут же приступил к работе. Моментально. Замедленная реакция была чревата тяжкими последствиями.

Сергей возводил штабеля, охранник их рушил. Сергей строил торфяную коробку у противоположной стены, охранник разбивал её ударом ноги и заставлял перенести на прежнее место. Принудительно-сизифов труд цвёл пышным цветом и никак не облагораживал. Ни сидельца, ни надсмотрщика. Провалившись в чёрную дыру безвременья, Сергей делал чёрную работу в чёрной пыли, по-чёрному завидуя тем, кто был на свободе.

А ведь всё могло бы быть иначе. И оставался бы он там, на свободе, а не здесь в фантазмагорическом кошмаре на реконструкции шумерского зиккурата. И ходил бы сейчас голым

с перспективой выйти из гоголевской шинели. Ан нет! Накося-выкуси! Судьба оставила его с носом. И приснопамятный майор Ковалёв был тут вовсе ни при чём. В этом событии ключевой фигурой был иной офицер – старший лейтенант Мотыгин.

Глава 2. Бычок

Старший лейтенант Мотыгин был амбициозен, тщеславен и слегка, как принято говорить (кстати, а порой и оправдывать), дураковат. По молодости. Последнее качество, надо признать, отмечали в нём немногие. Сам же Мотыгин подобного за собой, естественно, не замечал, хотя считал себя наблюдательным и самокритичным. Известное дело: объективность и субъективность никогда не совпадают.

Ладный статный брюнет, на котором отлично сидела форма, был превосходной натурой для баталистов, чьи кисти могли бы сотворить колоритный персонаж для эпизода кавалергардской атаки или лихого гусарского рейда. Целеустремлённый взгляд, гордая осанка и тонкая полоска щегольских усиков – ну чем не полная комплектация для бравого вояки.

И хотя времена Дениса Давыдова давно канули в лету, необходимость в ратных людях не исчезла. Ушли в прошлое устаревшие обмундирование и вооружение, а суть так и осталась неизменной. Война и мир – взаимочередующиеся ипостаси, и посему потребность в воинах имеет свойство бесконечности.

Получив новое назначение, собрав жену и чемодан, Мотыгин отправился продолжать защищать Родину и делать карьеру военачальника. В отдельной части связистов ему дали взвод, а спустя какое-то время, когда формирование расширилось, доверили командовать ротой и повысили в звании.

Мотыгин был несказанно доволен. Его распирало как мыльный пузырь, а слух ласкали крики дневального, горланившего: «Смирно!», когда он переступал порог казармы. Какие же это были секунды блаженства! Чтобы продлить жизнь этим мгновениям, Мотыгин только и делал, что входил и выходил из казармы, наслаждаясь криками дежурного солдата.

В ход шли сомнительные, надуманные предлоги. Под их прикрытием Мотыгин вальяжно выплывал на крыльцо покурить, смахнуть пыль с голенищ на приказарменной подставке для чистки сапог или просто окинуть орлиным взором близлежащие окрестности.

Солдаты втихую подтрунивали над командиром, а тот, ослеплённый собственным сиянием, продолжал тешить своё величественное «я». Купание в лучах недолговечной славы длилось около месяца, и уж потом только процедура утратила первоначальную свежесть и сладость, слегка почерствев и покрывшись лёгким налётом бесконечных будней.

Появившись в расположении части как обычно, в 8.45 утра, Мотыгин внёс себя на кафельный пол коридора и на мгновение замер, внимая команде дневального. Выросший из-под земли сержант с кумачовой повязкой вскинул правую ладонь к заломленной на затылок пилотке, грохнул коваными подошвами и отчеканил, придерживая левой рукой висевший на ремне штык-нож:

– Товарищ старший лейтенант! За время вашего отсутствия никаких происшествий не произошло! Рота находится в столовой на завтраке! Дежурный по роте сержант Острогор!

– Вольно! – козырнул Мотыгин.

– Вольно! – продублировал сержант и отошёл в сторону, пропуская командира и приготовившись следовать за ним. Он знал наперёд все действия своего начальника.

И ротный, по своему обыкновению не заходя в канцелярию и бытовку, сразу пошел в другой конец казармы, где были туалет, умывальник, сушилка и ленинская комната. Вот где был традиционный рассадник разложения дисциплины! Вот, где, образно выражаясь, старослужащие плевали на уставы. А именно – курили в запретном месте и смотрели по телевизору программы из вражеского стана. В особенности западногерманский канал ZDF, где порой такое транслировали, что захватывало дух, и заставляло шевелиться волосы. И не только.

Как ни пыталось командование заблокировать телеканалы ФРГ, всё безуспешно. В роте связистов это табу никак не внедрялось. Всё ограничилось устным запретом на просмотр теле-

творных программ. Вопрос был закрыт. Подчинённые сделали вид, что выполнили приказ, что для начальства было вполне достаточно. Лучше закрыть глаза на мелкие грешки солдат, чем со слепой яростью наводить лоск на моральном облике строителей коммунизма.

Мотыгин пружинистой походкой прошёл по коричневому линолеуму, рассекавшему казарму на две части, где ровными рядами, по два в каждой половине, стояли железные двухъярусные койки и, распахнув двухстворчатые с матовыми стёклами двери, оказался в задней части расположения. Сунув нос в ленкомнату, он обвёл её придирчивым взглядом. Всё было в порядке: полы блестели, столы и стулья были выровнены, шторы висели симметрично, подшивки газет лежали ровными стопками, телевизор находился в отключенном состоянии.

Удовлетворившись осмотром, Мотыгин направился в туалет.

Уборная, опять же прибегая к иносказанию, встретила его улыбкой голливудской звезды. Раскрытые зевы и бездонные пасти писсуаров и толчков празднично светились ослепительной белизной. Сказывался прилежный уход и постоянная забота. Ещё бы! Не каждый унитаз на гражданке может похвастать, что его чистят зубной щёткой! А в армии такое трепетное внимание к сантехническому фаянсу – явление широко распространённое. Даже очень.

Ротный приблизился к ближайшему отхожему месту, дёрнул за шнур сливного бачка, проводил бурную струю микрониагары в бездну, поправил фуражку и...

Ну, наконец-то! Вот он! След нарушителя! Вопиющий факт несоблюдения режима! Вызов уставному порядку!

Глаза старшего лейтенанта лихорадочно заблестели.

– Это что ещё такое!?

– Что? – посмел уточнить сержант.

– Что! Что! – передразнил командир подчинённого. – Вот это! – он ткнул пальцем в решётку сливного отверстия в полу. Застряв, как головёшка в колоснике, наглый окурочник предательски демонстрировал улику произведенного кощунства.

– Бычок, – классифицировал предмет дежурный.

– Вижу, что не тёлка! Значит, в твоё дежурство здесь курят, сержант?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант!

– Не врать! – взвизгнул Мотыгин. – Если есть окурочник, значит курили!

– Так точно, курили!

– Вот!!! – ротный ударил себя по бедру и едва не подпрыгнул. – Противоречие налицо! Курят, значит!

– Так точно, курят!

– Ага-а-а! – победоносно затянул Мотыгин.

– Курят, – повторился Острогор, разглаживая своё лицо после кислой гримасы, лёгшей на него под воздействием офицерского вопля. – Но не здесь. Полагаю, что окурочник прилип к чьей-то подошве и таким образом был сюда занесён.

– Ты что городишь, Острогор! Что за ахинея!

– Такое часто бывает! И чего только к сапогам ни липнет: и хвоя, и чешуйки шишек, и былинки, и травинки... Вот и бычок, уверен, тоже таким макаром тут очутился.

– Если бы он был на подошве, то он был бы в лучшем случае расплюснутым! А этот весь аккуратненький! Видишь, совсем даже не помятый!

– Понятное дело! – с видом маститого эксперта ответил дежурный. – Вот вы, товарищ старший лейтенант, с фильтром курите, а мы – термоядерные! Там же одни брёвна да шпалы! Их никакой сапог не деформирует!

Насчёт табака это было абсолютной правдой. Он был низкосортным и убийственно ядовитым. Личному составу выдавались сигареты «Охотничьи» и «Гуцульские». На зеленоватой пачке «Охотничьих» красовался меткий стрелок с двустволкой, палящий из камышей по уткам, на второй – западно-украинский пастух, выгуливающий стадо баранов в Карпатах.

Сверхкрепкое курево было невообразимо сногшибательным и могло свалить наповал не только лошадь, но и табун мустангов. Забитый в бумагу табак так драл горло и прожигал лёгкие, что солдаты присвоили сигаретам почётные титулы: «Смерть на болоте» и «Смерть в горах».

На совместных военных учениях вооружённых сил СССР и ГДР братья по оружию из Варшавского блока делились, как это водится, табачком. Немецкие вояки не могли сделать и трёх затяжек из дешёвых и сердитых сигарет. Советский никотин заставлял их взглянуть на мир новыми глазами. Навыкاته. С тенденцией к покиданию орбит.

Когда Острогор первый раз попробовал эту отраву, то удивился, почему вся курилка с беспардонным равнодушием и нахальным безразличием игнорирует затмение солнца! Причём, внезапное и совершенно полное! Где возбуждённая реакция толпы? Где захлёбывающееся клокотание гортаней? Где, в конце концов, коллективное восхищение столь редчайшим астрономическим явлением?

Но когда ложное впечатление, вызванное потемнением в глазах от ударившей в голову мощнейшей порции ядовитой смеси, заместилось осознанием происходящего, Сергей впал в ступор. Угодив в тенета кратковременного удивления с лёгким креном в сторону стресса, он опустился на скамейку, напряжённо ожидая, пока пройдёт куриная слепота.

Когда пелена с глаз спала, Острогор обвёл курилку мутным взглядом. На его счастье никто не заметил его минутную слабость. С того дня сквозь дыхательные пути солдата прошли обширные массы дымовых потоков специфического табака, вызвавшие привыкание с последующей зависимостью. Но мы отклонились от эпизода. Итак!

Старшего лейтенанта Мотыгина, давнего поклонника болгарских «БТ», подробные объяснения Острогора несколько не убедили. Мало того – разозлили его.

– Ты мне баки не забивай! – топорща усы, рявкнул он. – Окурочок свежий! А ну достань!

Сержант выглянул в коридор и тоже гаркнул: – Алло! Дневальный!

– Отставить! – глазища ротного запольхали. – Без дневального! Сам доставай! Ну!

Дежурный помрачнел, махнул рукой побежавшему, было, к нему через всю казарму свободному дневальному, и медленно подступился к сливной решётке.

Объект пристального внимания мирно покоился на нулевой отметке, дожидаясь грядущего извлечения для скрупулёзной экспертизы.

– Ну же! – проявил нетерпение Мотыгин.

Острогор носил звание сержанта, был заместителем командира взвода, числился на должности начальника 454-й коротковолновой станции, был по штату личным радистом командира части и специалистом 1-го класса. Но главной его регалией был неофициальный титул «деда». А деду, как должно быть вам известно, негоже ковыряться в туалетном мусоре.

«Мне? Доставать бычок? – читалось на лице старослужащего, – или я ослышался?»

– Оглох?! – Мотыгин топнул ногой и щёлкнул пальцами возле уха Острогора. – Выполнять приказ!

Сержантские сомнения рассеялись как тараканы на ночной кухне при включении света. Его взаправду принуждали! И кто? Этот вчерашний юнкерок? Почти что его ровесник!

В голову дежурного ударил фонтан горячей крови, и на фоне сияющего белизной кафеля сверкнуло жало холодной и беспощадной стали. Внешне булат всегда страшнее пули, хоть давно уже утратил свою эффективность в сравнении с огнестрельным оружием.

Лезвие пугает своим видом и рисует в воображении резаные и колотые раны. А скрытый в патроннике свинец, как таблетка яда в упаковке. Не страшна, пока не распечатаешь.

Ротный был не робкого десятка. Но против инстинкта самосохранения не попрёт. Офицер съёжился. Его фигура, моментально утратившая свою театрально-величественную доминанту, сжалась и спряталась в складках отутюженной формы. Втянутая в плечи голова так глу-

боко засела меж ключиц, что фуражка едва не села на погоны. Горящая под козырьком пара углей напоминала светящиеся точки забившегося в убежище рака-отшельника.

В прошлом году в соседней казарме, во 2-й роте телеграфистов было ЧП. Молодой солдат, находясь ночью в наряде, несколько раз подряд всадил штык-нож в спящего «деда». Отомстил ему за все обиды. Неужто и тут могло свершиться нечто подобное? Мотыгина пробрал мороз по коже, быстро приобретающей свойства шагрени.

Он любил рисовать в своём воображении новые дырочки на красном кантике, куда мысленно вворачивались капитанские звёздочки, но прогнозировать отверстия в своём теле ему вовсе не хотелось. Гоня прочь жуткую мысль, офицер машинально скользнул правой рукой по поясу. Пусто... Чёрт! На нём сегодня не было полевой формы с причитающейся к ней кобурой на портуpee.

В его жизнь ввалилась беда! По нутру стали расплзаться липкие клубки ужаса, заполняя своей мерзкой слизью все уголки сознания. Сердце барабанило, в ушах звенело, лоб обсыпал бисер испарины.

Штык-нож висел в воздухе обломком глетчера, жаждущего жертвенной крови. Палач готовился пресечь жизнь невинного агнца. Момент настал! Лезвие прочертило в напрягшемся воздухе дугу, беззвучно распоролло прозрачность сортирной атмосферы и аккуратно, с хирургической точностью вошло меж рёбер.

Глава 3. В гостях у немцев

Из половника в алюминиевую миску плюхнулась раздутая амёба «лошадиной радости». Застывающей лавой она солидно и степенно выравнилась в измятой солдатской посудине и в глубокой флегматичности испустила из себя последние пряди ленивого пара. Соусом выступила подлива из морского окуня. Изрубленная тушка рыбы угрюмо теснились в плошке, а красная голова злобно пучила глаза: правый – в кашу, левый – в едока. В зрачке чернел предсмертный ужас. Бедная тварь! Если б она знала, что после вылова на Дальнем востоке её отправят через полмира в Восточную Германию, её бы ещё на траулере хватил апоплексический удар.

Окошко в дверце захлопнулось, и раздатчик пищи под охраной конвоира потащил ужин к следующей камере. Сергею каши не хотелось. Ошалелой рыбы тоже. Он воткнул в серую массу ложку, повозил ею и отодвинул миску. Взял кружку с чаем и медленно зацедил горячую бурюю жидкость. Глядя на серый, плохо выпеченный хлеб, он поморщился, вспомнив изжогу.

«Эх, помыться бы сейчас! – мечтательно подумал он, почесав потную грудь грязной пятёрней. – В баньке попариться...»

Воспоминания всплыли из бездны памяти явственными образами, маня к себе дразнящей недоступностью. Кадры цветной киноленты надолго приковали его к экрану, щекоча нутро болезненно-томными ощущениями.

Караван картинок шёл непрерывным потоком: баня, друзья, школа, дом, родители, озеро, горы, небо, самолёт...

Самолёт... Да, последний авиарейс был незабываемым. После шестичасового полёта «Ту-154», забитый новобранцами, приземлился на военном аэродроме. Выйдя из самолёта, в больших не по размеру сапогах и в новеньком обмундировании, висевшем на нём мешком, Сергей увидел лес, палатки и толпы солдат.

Свежая партия прибывших вываливалась из брюха «Тушки», как икра из белуги. Озиравшихся новичков с яростной радостью встречали дембеля, которые ждали посадки на прибывший борт. Они истошно горланили мартовскими котами: «Вешайтесь!!!», красноречиво жестикулировали и бросали в прибывших брючные ремни. Когда же подавалась команда на погрузку, разряженные в пух и прах вояки шли на abordаж самолёта с остервенелостью безрассудных флибустьеров. Трап угрожающе шатался и кряхтел, внося на своём горбу живой поток, обвешанный расписными чемоданами, значками, галунами и аксельбантами.

Лайнеры садились и взлетали, высаживая и забирая солдат, заполонивших лес десятками тысяч живой силы непобедимой и легендарной армии. Сергею, как и прочим, не верилось, что он в Германии. Кругом всё было нашим: небо, деревья, трава, люди, техника и даже музыка. Из динамиков, развешанных на соснах, лились популярные песни советской эстрады, прерываемые изредка голосом диктора, талдычившего короткую фразу: «Говорит радиостанция «Алдан»!

Под проникновенные пугачёвские «миллион алых роз» стада миллионов лысых голов серым месивом дрожжевого теста теснились среди сосен и елей, распространяя запах новеньких яловых сапог и флюиды треморной тревоги перед пугающей чернотой неизвестности.

Часа через три подошли грузовики. Когда колонна тентованных «ЗИЛов» с новобранцами выбралась с пылящего змеевика грунтошки и заколесила по асфальту, кузов выиграл утробой. У крайнего дома необычного вида, выскользнувшего из-за брезента машины, как декорация из-за занавеса, стояли люди, одетые не по советской моде. Их было трое: два парня, один из них с велосипедом, и девушка. Они улыбались и махали проезжающей колонне руками.

Озарение шарахнуло шрапнелью под каждое остриженное темечко. Многие вскочили с лавок. Рёв сумасшедших заглушил рёв автомобильного мотора.

– Немцы-ы-ы!!!

Из брезентового зева каждого грузовика светили прожектора искрящих глаз и торчали штыки вытянутых рук.

– Немцы-ы-ы!!!

От умопомрачительного, истошного ора закладывало уши, но этого никто не замечал.

– Немцы-ы-ы!!!

Инопланетяне, покажись они из летающей тарелки, не удостоились бы такой реакции, какую выплеснули на коренное население германской деревушки парни в шинелях.

А немцы, как ни в чём не бывало, продолжали дружелюбно махать. Они давно привыкли к этим дикарям из Советского Союза, проезжавших два раза в год мимо их деревни и глушившими лужёными глотками население и фауну. Для молодой троицы это было самым настоящим развлечением. И в самом деле: разве не забавно смотреть на многочисленную армию пришельцев, прыгающую и горланящую в кузовах. Отловленные для зоопарка приматы из джунглей. Ни взять, ни дать. Редкостное шоу!

Прошел первый «ЗИЛ». Ор: «Немцы-ы-ы!!!». Потом второй. Тот же вопль! Потом третий с тем же сотрясающим воздух криком! И так до последней машины колонны. Гул моторов, рёв толпы, сотни лиц в шрамах шокировавшего психику изумления. Незабываемое представление!

– С детства наблюдаю за этим нашествием варваров, – тоном эксперта проговорил парень с велосипедом. – Каждый раз одно и то же. Но не надоедает!

– Соглашусь, – кивнул его приятель. – Это как любовь к пиву.

– У вас любовь к пиву на первом месте, – с кокетливой отстранённостью произнесла девушка, провожая замороженными глазами очередных горлопанов, проносившихся мимо в неведомую даль, где их ждали новые открытия.

Следующим этапом «крупномасштабной Эврики» был Франкфурт-на-Одере. Дабы предотвратить вокально-шумовые экзерсисы, посланцев СССР вели по городу ночью. Чужое поселение с диковиной архитектурой поражало воображение. Странные здания, мощенные камнем улицы, стоящие без присмотра не только машины, но и, представить такое было невозможно – мотоциклы с велосипедами! Чудные фасады и витрины магазинов, нагло и разнузданно выставлявшие на всеобщее обозрение то, что на Родине хранилось в закромах или ховалось под прилавком.

По отрядам ночных экскурсантов гуляла легкая оторопь. Толпа, пронизанная силой воздействия дива дивного, многоязычно цокала и присвистывала.

– О! Гля! «Мерседес»!!!

– Где???

– Вон!!!

– Ух, ты-ы-ы!!! – блаженный стон ложился на прохладный бульжник мостовой. – Вот это да-а-а...

– Пацаны, колбаса-а-а!!!

– Ни фи́га-а-а себе-е-е-е!!!

– Ого-о-о!!!

– Ва-а-а!!!

– Ой, бой!!!

– Вот это да-а-а!!!

– Ёханный бабай!

– Охренеть!!!

Сон! Чудо! Фантастика! Тугие мясные палки и нафаршированные батоны всех мастей, многометровые цепи сарделек и сосисочные гирлянды, неестественно свежие вырезки и розовые окорока ошеломили бредущую отару неправдоподобностью своей натуральности и невообразимой широтой ассортимента. Такой красочной и насыщенной «картинной галереи» никто

доселе ещё не видывал. Да что там! Даже и не подозревал о существовании подобного изобилия!

Представители страны развитого социализма не верили глазам. Невероятно, оказывается, бывает и такое! Стоявший у мясной лавки фонарь, чей свет ярко освещал витрину с деликатесами, запустил механизм ассоциативной памяти Острогора, вытягивая на поверхность блоковские строчки:

Ночь, улица, фонарь, аптека...

Цепочка неожиданно разорвалась, и к старым звеньям приковалось инородное включение: «И колбасища всех сортов!!!».

Ноздри щекотал фантом аромата, а рты наполнялись обильной слюной. Глотая стуски жидкости и вращая округлёнными глазищами, гигантский питон защитного окраса пробрался по чужому спящему городу и вполз в ворота военных казарм.

Здесь, на внутреннем дворе распределительного пункта, змий развалился и растёкся по норам. С утра должны были приехать купцы и забрать товар. Отлаженный механизм работал как часы. Каждые сутки шла приёмка ночных партий с последующим её дроблением и распределением по местам назначения.

Выгнанная из кирпичных блоков шинельная братия маялась после ночёвки на плацу, гудя потревоженным пчелиным роем. Все лица были измяты увиденными и пережитыми сюжетами. Вот она какая, эта Германия!!!

На пересылочном пункте Сергей немного задержался. Внимая льющемуся из динамиков перечню фамилий, он никак не мог услышать свою. За ним никто не приезжал. Список зачитывали целый день, прерываясь на время приёма пищи. Ели тут же, на плацу, доставая из вещмешков сухпай и добывая еду путём усиленного трения консервов о бетон – ножей иметь не полагалось. Солдатская смекалка в действии. Сточенный металлический ободок позволял поддеть ногтём крышку банки и добраться до её начинки.

Монотонный голос из динамиков, ставший для Сергея на третьи сутки шумовым фоном, уже несколько не отвлекал. Обхватив пальцами консервную банку, он черпал из неё холодную гречку, перемешанную с кусочками мяса. Тех, с кем его увезли из джамбулского военкомата на вокзал, давно не было рядом. Всех растаскали. Кого на алма-атинском пересылочном, кого на аэродроме, кого здесь – во Франкфурте.

Подоткнув под себя полы шинели, Острогор сидел, сложив под себя ноги на казахский манер, в центре людской гущи, кишашей на плацу. Вокруг активно трудились едоки, направляя ложки по одному и тому же маршруту: банка – рот, рот – банка. Война войной – обед по распорядку.

Перечень фамилий, разбавляемый затёртыми объявлениями диктора, призывавший художников, чертёжников и знатоков иностранных языков подходить к командному пункту, шёл мимо ушей, как барабанившие капли надолго зарядившего дождя. Казалось, не было ему конца и края. Первый день он напряжённо вслушивался, как пассажир отложенного рейса внимает каждому щелчку включающегося микрофона диктора, что вот-вот назовут его фамилию, но время шло, о нём словно забыли, и он стал подумывать, а не затерялись ли его данные? Ведь в этой заварухе такому и случиться-то не мудрено! Людей – прорва, бумаг – ворохи, авось куда-то завалилась?

Тяжелые вериги раздумий складировались тяжестью в голове и мутили настроение. Один на чужбине (хоть и среди тысячной рати соплеменников), забытый и ненужный. Потускневшим взглядом он посмотрел на окружавшие жующие физиономии. Кто-то уже покуривал, жадно вдыхая дым. Он не курил. Хотя начинал, но бросил. Пока ещё Сергей не знал, что вскоре он опять пристрастится к сигарете.

С куревом оно как-то полегче служится. Это раз. Во-вторых, выдаваемый взамен табака сахар в одиночку есть – не по товарищески, в-третьих, некурящих всегда заставляли что-то

делать во время перекуров. Пока остальные накачивают лёгкие дымом, тебя куда-то обязательно припашут.

Солдат всегда должен быть чем-то занят!

Ложка отделила от утрамбованной массы солидный кусок каши и под дикторский аккомпанемент исчезла за сомкнувшимися челюстями. Вдруг кусок едва не застрял в горле. Сергей поперхнулся, услышав свою фамилию. Наконец-то!

Его подбросило с бетона. Недобитая консерва вместе с облизанной ложкой упрятались в вещмешок, а ноги сами понесли к командному пункту.

Сухопарый майор с острым лицом и эмблемами инженерных войск отобрал себе десятерых. В этой дюжине был и Острогор. Его военный билет привлёк особое внимание офицера. Разглядывая фотографию и сличая её с физиономией оригинала, майор едва заметно растянул тонкие губы в скрытой улыбке. С крошечного глянца размером 3 на 4 см глазела лысая басмачья рожа.

Сергей представлял собой генетическое ассорти. Этакий славянско-азиатский гибрид. Отцовский клан был из сибирских казаков, а материнский – из украинско-алтайского коктейля. Дед, чьи предки ушли за Урал из Малороссии, взял в жёны дочь шамана, открыв новую линию потомков с перемешанными генами разных этносов. В результате процесса продолжения рода появился отпрыск с русыми волосами, карими глазами и монгольскими скулами. В общем – типичный русский.

Майор ещё раз просмотрел все фотографии в документах и вернулся к снимку с остриженным наголо черепом.

– Острогор.

– Я!

– В армию торопился? Или, наоборот – силком притащили?

– Почему? – не понял намёка Сергей.

– Почему на фото «под Котовского»? Не военный билет, а какая-то справка об освобождении.

– Я без галстука сфотографировался.

– А это что за петля на шее? – осведомился майор.

– Это мне потом повесили. В военкомате объявили, что все фото без галстуков недействительны.

– Что за чушь!

– Военному видней, – продолжал Сергей, вспоминая как его усаживали на табурет у растянутой простыни с накинутым на воротник олимпийки арканом из зелёного засаленного шёлка. – Таким как я сделали фото на месте. Как полагается. С галстуком. И по преysкуранту по три рубля с носа.

– Бюро добрых услуг, – подытожил офицер.

Положив документы в коричневый портфель из кожзаменителя, он обвёл строй взглядом.

– Я – майор Будин, – представился он. – Сейчас мы пройдем к машине и – направимся в расположение нашей части, где вы пройдёте проверку на предмет определения ваших качеств как военных радистов. Не скрою, мне нужны хорошие специалисты. Ваши документы, выданные в ДОСААФ, всего лишь бумажка. Доказывать свою профпригодность будете лично мне!

Так Острогор оказался в Вюнсдорфе в «энской» полевой части под аббревиатурой ПУНР ГСВГ – Пункт Управления Начальника Разведки Группы Советских войск в Германии, где и начал свою службу радиста.

Познав судьбинушку «пуха», пройдя стадии «гуся» и «черпака», он подошёл к логическому завершению цикла, вступив в фазу «дедушки». И на тебе! На старости лет угодил на губу. М-даа... И на старуху бывает проруха!

Ход мыслей нарушил грохот откидывающейся дверцы. Сергей сунул в люк миску с недо-еденным куском серого хлеба, ложку и кружку. Ужин закончился. Конвоир и раздатчик пищи зашагали дальше по гулкому коридору, обходя остальные камеры. Когда их шаги стихли, по камням тюрьмы пополз монотонный, убаюкивающий речитатив.

Сергей усмехнулся. Надо же! И здесь, как в казармах, всё на тех же рельсах. Какой-то «пух» декламировал по старческой заявке сакраментальную вечернюю отходную. Рифмованная лепнина, такая ненавистная ему когда-то, а теперь ласкающая слух, клеилась к сводчатым потолкам коридора, ненадолго повисая на них призрачными фестонами:

Чик-чирик, кукареку!
Скоро дембель старику!
Дембель стал на день короче,
Спи, старик, спокойной ночи!
Пусть приснится дом родной,
Баба с пышной косой,
Бочка пива, водки таз!
И твой дембельский приказ!

«Сейчас бы воды таз! – вздохнул Сергей и почесал шею. – Не хочется тут фурункул в награду получить!» Он сокрушённо потряс головой, роняя с волос частицы торфа, и с тоской посмотрел в чёрное небо Германии.

Утешало одно: до дембеля оставалось каких-то 23 дня! Весна 1985-го была для молодого «дедушки» как весна 1945-го для его деда, дошедшего до Лейпцига.

Глава 4. Бочка

А у прерванного эпизода было следующее продолжение.

Острогор, вынув штык-нож из металлических рёбер решётки, торжественно блеснул зеркалом стали. Лезвие пропихнуло окуроч, сгнувшийся в воронке сливного отверстия, и с ледяным безразличием отразило усатую гримасу страха старшего лейтенанта. Мотыгина словно превратили в кота, облитого ведром воды при исполнении мартовской рулады.

– Показалось вам, товарищ старший лейтенант! – опуская оружие, заявил сержант. – Нет тут никакого окурка.

Дискуссии об аберрации зрения не произошло, как и не состоялись научные дебаты о феномене фата-морганы. Мотыгин оседлал позицию упрямой несговорчивости и с кажущейся самому себе грациозностью царя зверей бросился на оппонента. Ударом ноги он выбил из руки дежурного штык-нож и нанёс ему в голову сокрушительный удар.

Сержант (вот досада!) успел пригнуться, избегая столкновения с летящим объектом, и отступил из туалета в коридор. Ретироваться, не понеся потерь, ему всё же не удалось. На кафеле остались штык-нож и пилотка. Но это было полбеды. Манёвр отхода, суливший мирный исход столкновения, закончился нелепым фиаско. Какая-то неведомая и необоримая сила бросила Острогора на пол.

– Ах ты, бисово племя! – прогудел густой бас над поваленным телом. – Не трепыхайся!

Бог весть, откуда взявшийся старшина Шкурко, утвердив коленную чашечку размером в чайное блюдце в хребет поверженного сержанта и навалившись на него всей своей нешуточной массой, справился у своего начальника: – Вы в порядке, товарищ старший лейтенант?

Мотыгин повернул выбеленное могущественным страхом лицо к старшему прапорщику:

– А... да-да, всё нормально, старшина, – одеревенелый язык плохо слушался.

– Он грозился вам?

– Грозился? – офицер одёрнул китель, пригладил топорщившиеся усы и уже управляемым командирским голосом изрёк: – В моей роте никто не может угрожать мне! Я тут закон и порядок! А Острогор что-то тут пытался мне показать!

– Штык-ножом? – старшина Шкурко нуждался в пояснении. – Это как же?

– Ну... Он употребил его в качестве указки.

– Хм... Тогда понятно, – сказал старшина, хотя никакой ясности из слов Мотыгина он не получил. Ослабив давление на распростёртое под собой тело, Шкурко осведомился: – Поднять, что ли, сержанта?

Жест Цезаря, дарующего свободу гладиатору, окончательно завершил возвращение старшего лейтенанта в его привычное состояние.

– Поднимите.

Шкурко, чьи рост и вес имели самые выдающиеся кондиции в роте, сгрёб Острогора в охапку и придал ему вертикальную позицию.

– У нас произошло небольшое несовпадение в точках зрения на проведённую в помещении уборку, – начал Мотыгин. – Так вот, сержант Острогор нарушил субординацию и использовал неуставную форму общения. Как командир роты я сегодня же! – он дёрнул правой бровью и ткнул в потолок указательным пальцем. – Безотлагательно! Подготовлю приказ о его аресте на 10 суток! Старшина, снимите его с дежурства и подготовьте к отправке на гауптвахту!

– Есть, товарищ старший лейтенант!

Опытный старшина догадывался, что случилось в туалете, и даже не стал пытаться сержанта о причине конфликта, когда ротный покинул кафельный отсек. Хлопнув здоровой лапищей по плечу взъерошенного парня, Шкурко беззлобно сказал:

– Допрыгался, Острогор! Неча было ножичком воздух дырывать! Это оружие, а не учительская палочка.

Вот так Острогор оказался в казённом доме, где успел провести уже пять суток.

На шестые, после завтрака, его определили на работы в подвал столовой, где хранились овощи. Заражённая грибок картошка таращила на арестантов глазки-бородавки, мрачно морщилась и источала тошнотворный запах. Серая жижа, скопившаяся под кучами, концентрировалась в мерзкую слизь, липшую к сапогам. В тусклом свете электричества и спёртом воздухе хранилища верховодили гниль и разложение.

– Ты и ты! – начпрод тюрьмы тыкнул пальцем в Острогора и колченогого арестанта с эмблемами танковых войск. – Берите носилки. А вы, – повернулся он к прочим, – совковые лопаты. Грузите им тухлятину. Потом поменяетесь. Очистить тут всё! Вперёд!

Работа закипела. Все работали на равных. Тут нивелировались звания, заслуги и градация. Никакого снисхождения, никаких привилегий. «Дед» шёл вровень с «пухом», сержант – с рядовым. Главным был конвоир, готовый в любой момент угостить прикладом зафилонившего подопечного.

Схватив за обструганные под ладонь ручки наполнившихся носилок, Острогор и танкист понесли их наружу.

– Из Казахстана? – спросил сержант в спину напарника, безошибочно определив его национальность.

Крепыш повернул голову на короткой шее и скопил и без того узкие глаза.

– Ну...

– Откуда? Поточнее.

– Капчагай.

– Рядом. Я из Джамбула.

– Ой-бой! – крепыш подпрыгнул, едва не опрокинув ношу. – Земляк!

– Выходит. За что попал?

– На мусорку ходил, – колченогий горестно цокнул языком и смачно сплюнул. – Поймали.

– На Потсдамскую свалку, что ли? – уточнил Острогор.

– Туда, туда, – закивал головой казах.

– Журнальчиков интересных захотелось?

– Не-а, зачем? Мне картинки не нужно... Хотел кроссовки найти... Там... адидасы какие-нибудь или пума в натуре, всякие там джинсы-минсы, рубашки батные... Вот...

– Батники, – машинально поправил Острогор.

– Ага, ага! Я целых три больших пакета набрал, да! Классные вещи! Фирма! А замполит, шайтан, узнал, подследил и поймал.

– И всё экспроприировал.

– Чё?

– Отобрал?

– Отобрал! Всё отобрал! Прикинь? И ещё на арест посадил, собака! В губу отдал.

– Путёвкой отметил, – засмеялся Острогор. – В санаторий!

Земляки вывалили гнилую картошку на заднем дворе столовой и пошли обратно.

– А знаешь, как жалко! – зацокал языком танкист. – Очень! Очень жалко! Да? – он ждал сочувствия.

– Прибарахлишься ещё. Успеешь!

– Не-а. Как уже успею? Скоро домой.

«Тоже дедушка», – отметил про себя Острогор и подбодрил напарника. – Время ещё есть. Ты, если намылишься туда, заходи с южной стороны. Там через проволоку пролезть можно. Есть дыры.

Острогор знал, что советовать. Месяц назад лейтенант Дроздов повез его туда вместе с отделением. Солдаты натаскали для взводного ковров и мебели и забили отобранными офицером предметами весь кузов 66-го ГАЗона. Таким макаром Дроздов обставил своё жилище для приезжающей к нему молодой супруги.

Как говорится, так исторически сложилось, что Потсдамская свалка, куда вывозились бытовые отходы из Западного Берлина, была облюбованным местом не только немецких ворон и чаек, но и представителей вооруженных сил Советской Армии.

Здесь можно было найти всё: начиная от носков и заканчивая телевизором и платяным шкафом. Естественно, не всё имело товарный вид, но очень многое смотрелось как новое. А после стирки так вообще блистало девственной первозданностью!

То, что на родине было жутким дефицитом, здесь валялось под ногами в неимоверно бешеном количестве и в небывало фантастическом ассортименте! Да ещё без очереди! И уж тем паче – бесплатно! Бери, сколько сможешь унести!

Небольшие изъяны: микроскопические пятнышки, дырочки, потёртости или разошедшиеся швы легко устранились. Но берлинцам западного сектора, испорченных флюидами смердящего капитализма, проще было купить новую вещь, чем заниматься её починкой. Вторую жизнь отверженному предмету давали советские мастера на все руки.

Группы парней (кто в форме, кто в камуфляже, кто в тёмно-синем трико) лезли через защитные ограждения свалки за импортным шмотьём и вещами. Как трудолюбивые муравьи они теребили полиэтиленовые пакеты, копошились в горах хлама и сортировали тряпье. Кроме обуви и одежды особой популярностью пользовались гляцевые журналы с фотографиями высококвалифицированных специалистов половых отношений, вытворявших друг с другом умопомрачительные экзерсисы. В сравнении с ними упражнения трактата Кама Сутры низвергались до способов размножения на уровне клеточного деления.

О-о-о! Чего только не было на страницах этих изданий! Каждая фотография захватывала дух и педалировала инстинкты! Вот это формы! Какие позы! А что творят! Ого-го!!!

Красочные издания западногерманской порноиндустрии наравне с прочими отбросами, подобранными на свалке, увозились в Союз в дембельском чемодане «мечта оккупанта». На его крышке в хороводе наклеек из гэдээровских красоток гордо реял вырезанный из ватмана и разукрашенный гуашью самолёт. «Ил» или «Ту». Кому что больше нравилось.

Выгружая вторые носилки, Острогор поинтересовался:

– Сколько дали?

– Пять суток. А тебе?

– Десять.

Казах сочувственно закачал головой.

– Ой-бой, чё так слишком? Салабонов сильно чморил? Бил много, да?

– С ротным повздорил, – нехотя пояснил Острогор.

– Как поспорил? На кулаках, да?

– Нет, кулаков не было. Что-то вроде танца с саблями.

– Э! С саблями? А где взял, а? Ты кавалерист, что ли, да?

– Ага, драгун.

– Это чё, драку любишь, значит?

– Обожаю! – язвил Острогор. – А ты, думаю, лошадей. – Танкист резво закивал головой.

– А казы, наверное, ещё больше.

– М-м-м, – мечтательно промычал простодушный крепыш. В его памяти тут же вызрела картина степной идиллии с юртой, огромным казаном, дастарханом на кошме, дымящимся бешбармаком и колбасы из конского мяса.

– Хватит слюну глотать! – услышал он голос, беспощадно разорвавший холст с волнистым пейзажем джайляу и пышным тоем. – Пошли!

Сын кочевого народа протяжно вздохнул, разогнал лёгкий туман ностальгии и затянул на манер акына:

– И куда ни взгляни
В эти майские дни,
Всюду пьяные бродят они!

В его исполнении это звучало пародией.

Через полчаса таскания испорченного продукта, рыхлая куча загнившего картофеля приобрела очертания холмика. Его высота превысила высоту стоявшей рядом под трубой водослива деревянной бочки, служившей резервуаром для сбора дождевой влаги.

Сгрузив очередную порцию гнили, Острогор бросил носилки и подошёл к бочке. Глянув в неё, он разделся по пояс и кинул напарнику:

– Ну-ка, наклони, умыться хочу.

Танкист оглянулся. Конвоир сидел на крыльце, блаженно шурился на солнце, досрочно, ещё в феврале растопившее весь снег, и задумчиво курил. Явно грезил о гражданке, манкируя обязанности службы. Утрата контроля за арестантами была умышленной. Осознанная халатность ему даже нравилась. Да и куда эти навозные жуки денутся?

– О-о-о!!! Хоррро-о-о-шо-о-о!!! – блаженно плескался Острогор, смывая с себя потно-торфяную эмульсию. – Тебе полить?

– Не-е-е!!! – заблеял казах и поёжился. – Бр-р-р-р!!!

– А зря! Ну-кась, наклони побольше!

Острогор расставил ноги пошире и залез на полкорпуса в бочку, фыркая от удовольствия.

– Мыла бы!

– И верёвку! – добавил танкист и засмеялся затёртой солдатской шутке. Острогор по инерции глухо хохотнул из деревянного чрева и едва не упал.

Бочка ударила его по голове, выплеснула остатки воды на сапоги и тяжело покатилась, грозя утащить попавшую в ловушку жертву.

– Чтоб тебя! – ругнулся Острогор, мотнув головой и рассеивая брызги. – Ты чего?

Его земляк, вытянувшись в струнку насколько это ему позволял короткий рост и колченовость, застыл каменным истуканом, держа руки по швам.

Рядом с ним высилась мощная фигура, превышавшая бурханчика раза в полтора. Она давила на него сверху вниз тяжёлым взглядом, в котором начисто отсутствовала удовлетворённость Пигмалиона своим творением. Оно и понятно: неказистое создание никак не походило на изящную Галатею. Даже в обезображенном виде.

Начальник гауптвахты полковник Дубов, Острогор с голым торсом и вросший в землю сын степей образовали чудную композицию, к которой с большой натяжкой подходил эпитет «три тополя на Плющихе». Максимум – «два тополя и один саксаул».

Угасающая динамика катящейся бочки, мягко ухающей опорожняющимся нутром, степенно подводила ситуацию к апогею своими замирающими звуками. Когда пустая тара остановилась, звенящая тишина залила уши горячим воском.

Полковник Дубов поманил Острогора пальцем.

– Товарищ полковник, сержант Острогор... – начал рапортовать арестант, но был пресечён.

– Что ж это ты, сержант, банно-прачечные процедуры тут учинил?

– Вспотел, хотел умыться, товарищ полковник! – Острогор был немного удивлён. Он-то ожидал гром и молнии, а с ним говорили спокойно, чуть ли не по-отечески. Это пугало ещё больше. Говорили, что Дубов любил изошрённые наказания, коих в его арсенале было предостаточно.

– На это есть специально отведённый день, – наставлял полковник. – Суббота. Слышал? Или у вас в части иначе?

– Никак нет! ПХД и баня по субботам!

– А сегодня, какой день недели?

– Четверг, товарищ полковник!

– Вот видишь, – душевно проворковал полковник, и Острогору на мгновение показалось, что он вот-вот ласково погладит его по головке или дружески похлопает по плечу, – до субботы дожить надо!

За спиной Дубова материализовался конвоир. Его физиономию покрывала морщинистая сетка злобы, а глаза пытались испепелить арестантов.

– А ты куда смотрел? – обернулся на шаги полковник.

– Я в подвале был, товарищ полковник, – соврал солдат.

– Разве там нет присмотра?

– Есть, но...

– Зайдешь ко мне после обеда, – оборвал полковник автоматчика и вперил взгляд в полураздетого собеседника, покрывающегося гусиной кожей.

– Закаливание полезно, сержант, не так ли?

– Так точно, товарищ полковник!

– Острогор, Острогор... Дубов перебрал в памяти личные дела арестантов. – Это не ты ли с ножом на своего ротного покушался?

– Там всё совсем не так было, – прошлёпал посиневшими губами сержант.

– Я просто...

– Как там было на самом деле – уже никого не интересует. Даже историков. Ты здесь, значит за дело. Твой старшина даже бочку берлинского клея презентовал, лишь бы билет тебе сюда поскорее выправить. Кстати, о бочке. Она тут стоит не просто так. А для сбора и хранения дождевой воды.

Острогор знал, что Дубов увлекался разведением растений, и в его кабинете было множество кадок и горшков с цветами, для полива которых чаще всего использовалась дождевая вода из бочки.

– Это я тебе, Острогор, для общей информации рассказываю, – продолжал полковник. – Воду ты израсходовал, и хотя дожди ещё будут, статус-кво надо восстановить.

Огромная фигура едва заметно подалась в сторону танкиста:

– Поставь-ка бочку на место. А ты принеси кружку! – кинул он за спину, и конвойный застучал сапогами, побежав в столовую.

– Вот тебе задание, сержант. Видишь на том конце плаца колонку?

– Вижу, товарищ полковник.

– Так вот, орёл, будешь набирать из колонки воду в кружку и носить её сюда, наполнять бочку. Начнёшь прямо сейчас, – начальник гауптвахты посмотрел на часы. – На моих 10.43. Думаю, ты и за сутки не справишься. Тут сорок вёдер. Ну и источник далече, – он скосил рот в подобии улыбки.

– Пока не наполнишь до краёв, приём пищи для тебя запрещён!

– А если я успею до ужина? Полковник приподнял брови:

– А ты нахальный, оптимист! Это нонсенс, сержант!

– Ну, а всё же?

– Скорей всего, небо упадёт в Дунай, нежели у тебя это получится!

– А Суворов, между прочим, Измаил-то взял!

Дубов смерил Острогора долгим взглядом холодных глаз, в которых вспыхнула и тут же погасла искорка азарта. Он взял подбородок в ладонь.

– Хм. Заинтриговал. Историю, смекаю я, ты знаешь. А вот силы свои переоцениваешь. Ладно, Диоген! Если управишься до 15.00, выпущу из-под ареста!

Сидя на втором этаже административного блока, полковник бросал взгляды в окно и наблюдал за спорой бегом сержанта по плацу.

Водонос, выработав свою методу сизифова труда, рысцой мчался от бочки к колонке, а обратно двигался быстрым, семенящим шагом со склонённой головой к полной кружке, намертво зажатой в ладони. Проливать мимо было непозволительной роскошью, каждая обретенная капля приравнивалась к секунде, если не минуте истраченного вхолостую времени.

За 45 минут перемещения по маршруту бочка – колонка – бочка, Острогор расплескал весь свой энтузиазм, стал выдыхаться и снизил темп скорости, выискивая в умозрительных вариантах более эффективный способ решения задачи. Старая модель «в час по чайной ложке» не лезла ни в какие ворота. Вода в ёмкости едва поднялась до щиколотки.

«Думай, думай! – подстёгивал свой разум Острогор, а поймав на себе взгляд Дубова, заводился ещё пуще. – Соображай, соображай, хомо сапиенс! Ищи выход!» Ему казалось, что стриженная бобриком голова из главного кабинета тюрьмы беззвучно хохотала, потешаясь над его бесплодными потугами. От этого становилось горько и обидно. Но более всего его угнетала мысль о невозможности (или его интеллектуальной неспособности?) найти ответ на буравящий извилины вопрос: «Как наполнить бочку за короткий срок? Как?!».

За 5 минут до обеда полковник Дубов уложил бумаги в сейф, встал из-за стола и подержал на ладони зреющий плод лимонного дерева – гордость своей комнатной плантации. Определив примерный вес набирающего желтизну фрукта, он посмотрел в окно, за которым начал моросить дождик. Острогор по-прежнему таскался с эмалированной кружкой, а уровень воды в бочке – сверху это было видно отчётливо – не достиг даже середины.

Выйдя на плац, полковник постоял несколько секунд у входа и направился в пищеблок, не обращая внимания на сыпавшиеся сверху мелкие и редкие капли дождя.

– Острогор, – окликнул он арестанта, – когда намечаешь штурм Измаила?

– Военная тайна, товарищ полковник! – семена от колонки, отозвался сержант.

– Шутник! – у полковника сегодня было добродушное настроение. Лимоны набирали вес, готовился зацвести кактус, жена капитана из роты охраны позвонила сама и пообещала принести семена ночной красавицы... И этот клоун веселит, мечась из угла в угол заведённой игрушкой. – К 15.00 тебе не управиться! Там воды, – он показал в сторону бочки, – кот заплакал.

– Время ещё есть, товарищ полковник, – Острогор поравнялся с Дубовым и стал во фронт.

– Ты не просто оптимист, сержант, ты – фантазёр! Если надеешься на дождь, так зря. Он скоро кончится.

Когда Дубов вновь появился на свежем воздухе, неся в желудке персонально для него приготовленные и с аппетитом уничтоженные блюда: лапшу, азу по-татарски и компот из консервированных фруктов, он по привычке пристально оглядел свои владения. Порядок и чистота радовали глаз.

Дубов присел под навес на свежеевыкрашенную в зелёный цвет скамеечку, вынул пачку «Столичных», доставленных по заказу из самой Москвы, и чинно закурил. Вымытый закончившимся дождём двор был пустынен. Он мгновенно приобретал это свойство, лишь только на него падала тень хозяина. Порядок! Мыши – в норах, коты – в засаде.

Вымершее пространство скрашивала только одинокая фигура Острогора, курсировавшего с эмалированной посудой как буддистский монах с кружкой для милостыни.

Пустив из лёгких дым, полковник отметил бросившиеся в глаза явные признаки перемен, произошедших с сержантом. Одержимость и упорство, доселе сквозившие в движениях арестанта, уступили место некой обстоятельности и толковости – свойственности, вырабатыва-

ющаяся у многоопытных мастеров, познавших тонкости и секреты соевой профессии. От метаний и угорелого бега прыткого узника не осталось и следа. Более того, складывалось впечатление, что до колонки Острогор фланировал с вызывающей вальяжностью, а обратно, наполнив кружку, дефилировал с грациозной дерзостью.

Дубов заподозрил неладное. Что-то здесь было не так. Не докурив сигареты, он зашагал к Острогору.

– Товарищ полковник! – гаркнул сержант, завидев начальника гауптвахты, – разрешите доложить!

– Разрешаю, – кивнул полковник, от которого не скрылся легкий оттенок лукавности, мелькнувший в сержантских зрачках.

– Это последняя кружка! Разрешите вылить её в бочку!

Полковник зыркнул на бочку – она была полной. Это прекрасно виделось даже с тридцати шагов. Но это невозможно! Однако круглое зеркало в деревянном обрамлении свидетельствовало о наполненности тары до краёв. Неужели мираж? Дубов плотно закрыл веки и опять взглянул на бочку. Нет, зрение его не обманывало.

А Острогор, не дождавшись разрешения, браво отчеканил шаг и торжественно перелил воду из мелкой тары в гигантскую. Для акцентирования момента не хватало только духового оркестра с тушем.

– Товарищ полковник! – чудо-исполнитель чуть ли не орал в ухо обомлевшего великана, – ваше приказание выполнено! Измаил взят!

– Ну-у-у, – развёл руками полковник, – удивил и победил! Генералиссимус!

– чтобы скрыть ещё не растворившееся замешательство, он добавил. – Марш в столовую, скажешь, что я приказал накормить отдельно. Потом ко мне, на оформление!

– Есть!

Сержанта как ветром сдуло, а полковник, качая головой, побрёл к себе, мучаясь тем, что в его голове никак не укладывалась эта невероятная история с бочкой. Недокуренную сигарету он затушил в кабинете, с силой расплющив окурки в массивной хрустальной пепельнице. Лимон не радовал, цветы не вдохновляли, а виднеющийся в окне цилиндр из гнутых досок, перехваченный железными обручами раздражал жизнерадостными зайчиками, скакавшими по лёгкой зыбке воды. Приподнятое настроение сменилось дымкой расстройств – щенок утёр ему нос! Неслыханно! Но слово есть слово: дал – держи! Надо отпустить.

Как сержанту удалось повернуть заведомо невыполнимую задачу, оставалось для него загадкой. На расспросы полковника, он отвечал уклончиво. Мол, всё благодаря невероятному упорству, негибаемой воле и непоколебимой вере в собственные силы. Так и убыл в свою часть, не поделившись секретом солдатской смекалки.

Полковник, конечно же, этому не верил, но никак не мог найти рационального объяснения произошедшему. Кто или что это нечто сверхъестественное, что помогло сержанту наполнить водой бочку? Бурный ливень? Рой тайных помощников с сотней кружек? Пожарный гидрант и шланг? Или сговор с потусторонними силами?

Но все эти версии отметались как несостоятельные. И что удивительно! Свидетелей чудотворному наполнению бочки не обнаружилось. Муки мыслительного процесса плавил серое вещество полковника, но шарада упорно не решалась.

Глядя со второго этажа на объект размышлений, Дубов курил очередную сигарету, стряхивая сгоревший табак в лежащую на широкой ладони пепельницу. Ничего вразумительного в голову так и не приходило. Перевернув пепельницу, Дубов высыпал окурки в мусорное ведро и похлопал по наружной стороне хрустального доньшка. И тут в черепную коробку ударила молния-догадка.

Как держал полковник пепельницу в руке, так он с ней и пролетел мимо ошарашенного дежурного, сидевшего в приёмной. Перемахивая ступени, Дубов вынесся во двор и большими

скачками добрался до бочки. Шлёпнув пепельницей по воде, он выпустил её из пальцев и, упершись руками в бока, громко расхохотался, изумляя гоготом караульных и обитателей узилища.

– Ну, ни хрена себе! С клёна падают листья ясеня! – раскатывался гром. – Очевидное – невероятное! Ах, шельма! Ай да пройдоха!

В лучах электрических фонарей, освещавших мокрый плац, кусок горного хрусталя тускло поблёскивал многочисленными гранями, прочно обосновавшись на плоскости нижней крышки перевёрнутой вверх дном пустой бочки. Потревоженная в огромном блюде вода пустила круги и закачала на мелких волнах пепельную пыльцу. Ответ, как это часто водится, лежал на поверхности.

если оно кому-то может быть и неприятным. И выражает это мнение прямо, без обиняков, но всегда во имя линии партии. Это и есть партийный подход: все оценки – с позиции партии!

Многоопытный Громыко чувствовал себя дирижёром, поясняющим сводному оркестру, глядевшему ему в рот, что им предстоит исполнять. Взмах палочки, и подчинённые его воле люди с рвением и бешенством сыграют заданную им партитуру.

Сидевший в президиуме человек, с головой наполовину потерявшей шевелюру, обнажившей большое родимое пятно, скромно и деловито делал пометки в бумагах. Будто бы и не о нём шла речь. Но внутри его играл гимн торжества.

Разве мог он тогда, в семидесятых, будучи секретарём Ставропольского райкома, вообразить, что будет в шаге от руля величайшей в мире страны? Даже в своих самых смелых предположениях, он не гадал о звезде героя соцтруда, а тут в руки сыпались рубиновые кремлёвские звёзды! Фактически он уже на троне. Остались формальные процедуры. Он заслужил успех своей неординарностью, страстью, зажигательностью, живостью общения, умением «придать импульс» и «раскачать».

Из-под его ручки выползла надпись и легла строкою на листе.

«ПЕРЕСТРОЙКА». Демонстрация заглавных букв с немой агрессией призывала к полномасштабному процессу раскачки СССР. Величайшая миссия, за которую не брались со времён самого Ленина!

– Скажу о своей области, – вещал дальше властитель дум на час, – о международной политике. Михаил Сергеевич, как только появился в политбюро, сразу обратил на себя внимание умением видеть суть вопроса даже в том, что вроде бы совсем не касается его сферы деятельности. И его суждения показали, что он не из тех, для кого существуют только два цвета: белый и чёрный. Он знает, как выбирать и промежуточные цвета – ради достижения цели.

После дополнительной порции в меру хвалебных формулировок, Громыко завершил:

– Словом, мы имеем перед собой человека, достойного занять такой высокий пост в столь ответственный для страны момент!

Наэлектризованная атмосфера зала лопнула громом, и хлынувший ливень аплодисментов залил помещение безудержным восторгом. Вскочившие с мест аппаратчики из числа сторонников молодого генсека с трудом удерживали себя от броска в президиум. Номенклатурный имидж и партийная дисциплина не позволяли им уподобиться горстке театральных клакеров и совершить столь непристойную выходку.

Предтеча ушёл с трибуны, освобождая место носителю идей масштабных преобразований.

– Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу! – заверил соратников свежий вождь. – Разрешите выразить уверенность, что, идя навстречу XXVII съезду КПСС, народ и партия, сплочённые вокруг Центрального Комитета, сделают всё, чтобы ещё богаче и могущественнее была наша Советская Родина, чтобы ещё полнее раскрылись созидательные силы социализма!

Партийный ритуал достиг апофеоза. Громыко дал отмашку эпохе Горбачёва. А жокей дал шенкелей и взял с места в карьер. Впереди маячил гран-при, цветные ленточки, слава и обожание поклонников. Победа в скачке любой ценой! Даже ценой загнанной лошади.

Спустя месяц, 10 апреля руководитель 9-го управления КГБ генерал Плеханов вызвал к себе начальника 18-го отделения, обеспечивающего безопасность глав различных делегаций: зарубежных и советских. Прибыв к шефу, полковник Медведев сел на стул в приёмной, продолжая искать в извилинах причины своего приглашения.

В его хозяйстве вроде бы всё было нормально, распекать как бы не за что. Если бы направляли в командировку, то об этом сообщили бы по телефону, без кабинетного разговора. Планируют перевести на новый участок работы? Допустим...

Высокий, плечистый, с зачёсом редких волос 47-летний чекист понимал, что вызвали его для чего-то важного. Для Плеханова бывший начальник личной охраны Брежнева не был тем человеком, с которым ведут душевные беседы. И вывод напрашивался сам собой.

Год назад Медведева прикрепили к жене одного из секретарей ЦК, отправляющейся в Болгарию. Его представили как сопровождающего прямо у трапа самолёта. Женщина ему понравилась. Воспитанная, обходительная, тактичная, умеющая одеваться и носить наряды. То, что слышал о ней: капризная, злая и порочная – представилось как завистливая молва соперниц и беспочвенные слухи. Несколько удивляясь тому, что его, начальника отдела, прикомандировали к супруге обычного (по его представлениям) члена ЦК КПСС, он не мог знать, что ходы в партии просчитаны, и пока Черненко угасал стеариновой свечёй, новому светочу расчищали место на алтаре, попутно заботясь и о членах его семьи. Раису Максимовну Горбачёву оградили особой опекой, вверив её жизнь в руки высококлассного профессионала.

В Болгарии, наблюдая за объектом охраны, Медведев быстро понял, что представляла из себя эта важная птица. А когда женщина принялась интересоваться подробностями, вплоть до мелочей, его службы у Брежнева, всё стало на свои места – это будущая хозяйка Кремля. И она уже вживалась в эту роль, пока ещё изредка позволяя выказывать царскую небрежность и высокомерие. Обнаруженная мимикрия огорчила полковника. Истинную натуру, даже искусно спрятанную, долго в саркофаге не удержишь.

Вышедший из кабинета Плеханов кивнул вставшему Медведеву и повёл его за собой в машину. Спустя несколько минут они были на Старой площади в кабинете генерального секретаря.

– Садись, – Горбачёв сделал приглашающий жест. – Как дела на службе?

– Нормально, – полковник потянул за спинку стул. – Личный состав в порядке.

– А раньше чем занимался?

– До того как возглавил 18-ое отделение был 2 года заместителем. А до этого служил руководителем личной охраны Леонида Ильича, – Медведев заметил, что Горбачёв поморщился и «намотал себе на ус» проявление его реакции на упоминание имени Брежнева. – Будучи прикреплённым к генеральному секретарю курировал обеспечение физической безопасности и...

– Знаю я, как вы там служили! – не дослушав, перебил Горбачёв. – Пьянствовали!

Полковника покорило:

– Мы вкалывали, Михаил Сергеевич, как ломовые лошади! Ни дня, ни ночи не видели! Дома не бывали!

– Ладно! – генсек миролюбиво усмехнулся. – Я тебя не имею в виду. Я сам видел – приезжал Андропов, его охрана пила. И ваших я тоже видел... Тоже мастера! Но оставим это! Речь о том, чтобы назначить тебя начальником личной охраны. Согласен?

– Если вы доверите эту службу, – Медведев поднялся на ноги во весь свой рост, – то я готов!

– Договорились! Конкретно обо всём скажет Плеханов.

Проходя мимо шефа, полковник скосился в его сторону. «Сосватал, Юрий Сергеевич?»

Генерал подмигнул: «Сдавай дела и приступай!».

Закрыв за собой дверь, Медведев обвёл приёмную взглядом.

«Мда-а-а... Сейчас бы приснопамятный завотделом науки ЦК, убеждённый сталинист Трапезников восторжествовал бы со своим пресловутым «принципом стабильности». Всё возвращается на круги своя, – полковник улыбнулся своим мыслям. – Занятно: генсек новый, а «прикреплённый» – старый. Вернее – прежний! Удивительная штука – жизнь!».

Глава 6. Москва – Джакарта

Остатки московского снега, спрессованные в грязные кучи и горбы, неумолимо плавись и оседали, пуская под себя ручейки чёрной жидкости. Резвые потоки стремились в сточные отверстия, утопленные в асфальте, и скапливались в зеркала луж, преграждая путь прохожим и заставляя их перепрыгивать или огибать водные препятствия.

Разливы на дорогах весело и залихватски утюжились машинами, выдувавшими колёсами дуги брызг, ложившихся тёмным крапом на одежду зазевавшихся пешеходов. Помеченный люд бранился, клял шоферов и становился бдительным. Хотя куда уже больше!

Советский человек сызмальства держал ухо востро и смотрел в оба. Жизнь и партия учили его на каждом шагу и каждую минуту. Денно и ночью. И оттого он вечно – от колыбели и до гроба, был начеку и в перманентном стоянии напряжения.

Прозрачный воздух столичной весны с сизыми и чёрными заплатками бензиновых выхлопов сулил долгожданное тепло и перемены к лучшему. Скорей бы! Хотелось позабыть стылость зимы, зябкость марта и серость тоскливых дней, и подставить под грядущее лето замуренное от удовольствия лицо.

Взмахнув дипломатом, Оля легко перелетела через лужицу, угодив краем невысокого каблучка в кайму воды. Она уже подходила к подъезду своего 12-ти этажного дома, ещё недавно считавшегося новостройкой на окраине города. Спрут Москвы разбухал, вываливался за границы кольцевой автодороги и тянул жирные щупальца, прибирая новые территории.

Озеленившийся микрорайон с укоренившимся на жилплощадах населением постепенно перестал быть посадом и заслуженно претендовал на звание района, «приближенного к сердцу нашей Родины».

Но этот генезис мегаполиса нисколько не интересовал юную особу. Она жила экзаменами, последним звонком и выпускным балом. Войдя в лифт, десятиклассница поднялась на шестой этаж и отперла дверь, обитую чёрным дерматином.

Скинув туфли в прихожей трёхкомнатной квартиры, девушка поставила у письменного стола дипломат, сняла школьную одежду, переделалась в домашний халат и прошла на кухню.

Едва она засыпала в кофемолку зёрна, как услышала щелчки ключа в замке. В коридоре появился отец.

– Ты уже дома? – спросил он с порога уставшим голосом.

– Последнего урока не было, – она поцеловала его в щёку. – Химичка заболела.

По всему было видно, что он её не слушал. В последнее время отец стал раздражительным и нервным, заводился по пустякам, порою срываясь на крик. Было жалко маму, которая, словно оправдываясь за отца, говорила дочери: «Работа у отца тяжёлая».

– Кофе будешь?

– Что?

– Я говорю, кофе пить будешь? Тебе сварить?

– Кофе, кофе... – забормотал отец.

– Или борщ разогреть вчерашний?

– Давай.

Дочь развела руками:

– Что давай? Кофе или борщ?

– Кофе! – он хотел добавить что-то ещё, но передумал и ушёл в спальню. Отец редко появлялся дома днём: с утра до ночи пропадал на работе, иногда даже не приезжал ночевать. В таких случаях он всегда звонил по телефону и предупреждал. Но если раньше это было нечасто, то с января подобные бдения вне дома приняли регулярный характер.

Было это вызвано, как говорится, производственной необходимостью или нет, Оля даже не хотела знать. Дела взрослых – это дела взрослых. Но то, что между родителями появилась трещина – было заметно невооружённым глазом. Вот это-то её и волновало. Вроде всё в доме было по-прежнему: семейные традиции, устоявшиеся отношения и ежедневный распорядок вещей... Да, это никуда не делось. Но атмосфера уюта и теплоты семейного очага давно улетучилась. Вместо неё появилась обыденная сухость, залакированная фарсом ложного благополучия.

– Кофе готов! – позвала Оля, разливая из джезвы ароматный напиток. Отец кинул в чашку два куса рафинада и стал размешивать, глядя перед собой. Сахар давно растворился, а ложка по-прежнему болталась в чашке, выбрасывая на блюде чёрные капли. Он даже не заметил, как дочь поднялась, обошла его сзади и обняла, положив голову на плечо.

– Пап, ну что с тобой?

От нежно-тревожного шёпота, вползшего в ухо, его пробрали мурашки. Он бросил ложку на блюде и похлопал ладонью по сведённым под шейей тонким рукам.

– Всё в порядке, Оленька.

– Ну я же вижу... И мама переживает.

– Всё в порядке, – медленно повторил отец, больше убеждая в этом себя, нежели дочь. – С инязом не передумала?

– Уходишь от неприятной темы? Он грустно усмехнулся:

– Ты у меня не только красивая, но и умная.

– Вся в тебя.

– Это точно! – комплимент подсластил горькое настроение. – О! Совсем забыл! Там, в коридоре, пакет с сервелатом и сосисками. Надо бы в холодильник положить.

– Положу.

– Бананы ещё давали, но я не стал брать.

– И правильно. Мы ж кроме королевских других не едим. Жаль, что из Сингапура их сюда не поставляют. А классно было в Джакарте! Да, пап? Вот бы ещё раз там оказаться!

– Да... Ты тогда совсем крохой была!

– Вернуть бы то время назад! Хотя бы на один день!

– Я бы многое отдал, чтобы оказаться в том прошлом.

Джакарта... Город с многоголосой смесью различных диалектов: малайского, яванского, сунданского и балийского языков, в канву которых вплетались обороты и фразы из английского, португальского, китайского, хинди и арабского. Бурлящий Вавилон! Плавильный котёл народов! Чудеснейший город, где он прожил два года в домике советского посольства, в маленьком и уютном дворике которого росли тропические цветы и три дерева королевских бананов. Каждые девять месяцев деревья рубили, снимали с них плоды и укладывали для созревания в мешки, распространявшие по двору дурманяще-сладкий аромат. Ах, какие же это были чудо-фрукты!

Те же бананы, что продавались в Москве, были совершенно не похожи на индонезийские. Презренный эрзац, да и только.

Отец провёл пальцами по тыльной стороне Олиной ладони и поцеловал её.

– А достань-ка мне коньячку!

– А надо ли?

– Надо.

– Вредные привычки имеют свойство перерастать в пагубные пристрастия.

– Серьёзно?

– Я не шучу!

– Я вижу. Мне бы чуточку расширить сосуды. Дочь нехотя принесла бутылку армянского.

– Только чуть-чуть! – погрозила она пальцем.

– Всего три капли! – заверил он.

Смешав напитки и сделав большой глоток, отец повеселел.

– Всё обойдётся. Всё станет на свои места.

Но его весёлость был напускной, Ольга чувствовала это. Он тоже это прекрасно понимал, но отказаться от выбранной роли уже не мог.

Глава 7. Париж

Пока улицы Москвы избавлялись от ошметков снежного панциря, а в Кремле происходила смена правителей с очередным циклом потепления, Париж по своему обыкновению пестрел распутившимися клумбами и белел канделябрами цветущих каштанов.

Запруженные празднующей толпой Елисейские поля с галльской безмятежностью стелились под подошвы пешеходов и резину автошин. Запахи бензина, духов, цветов, кофе и сдобной выпечки перемешивались друг с другом в причудливые комбинации, образуя знаменитый аромат Парижа.

Как нюхнёшь такой амбре, и голова пойдёт кругом! Нюхнёшь ещё раз и опьянеешь! Нюхнёшь в третий, с долгим глубоким затягом – раз, и с тобой произойдёт страшная метаморфоза: секунду назад ты был советским человеком, гражданином СССР и патриотом социалистического отечества и... опля! – ты уже свежеиспеченный диссидент! А там не за горами и перспектива статуса невозвращенца!

Сразу же оказываешься в плену жуткого желания остаться жить в Париже. На все времена! Навсегда! Навечно! Беспечно шататься по его улицам, беспричинно улыбаться встречным прохожим (просто так, потому, что у тебя хорошее настроение и нет гнетущих забот и сощобязательств по ударному труду), трескать круассаны и заливать в себя бордо вместо бурды! А дальше желания размотаются как колодезная цепь за сорвавшимся в колодец ведром.

Вот к чему может привести необдуманная эксплуатация ноздрей, втягивающих в себя чужеродный дух, исторгаемый недрами парижского чрева! А ведь он безжалостно свербит и побуждает к непривычным поступкам.

С органами зрения проще. Одел солнцезащитные очки, и всё вокруг вроде бы в чёрном цвете! Самообман, но помогает. Против остальных чувств советского человека, увы, фильтров восприятия благ западного социума изобрести не удалось. Кляп в рот, тампоны в нос и уши? Не выйдет! Есть более солидная и надёжная альтернатива – железный занавес! За периметр – только дозированными группами. Жаль, что не поштучно.

Людмила Караваева была натурой, не оснащённой защитными приспособлениями для дезинфекции буржуазных флюидов. Это обстоятельство пагубно отразилось на молодом организме, вызвав побочный эффект. Дефект проступил наружу в виде явного симптома базедовой болезни в первый же день пребывания в столице Франции.

– Сколько можно пялиться, Люд?! – вздохнул её муж, которому порядком надоела затянувшаяся женская эйфория, имеющая все шансы перейти в болезненное состояние. – Пора успокоиться.

– Какое спокойствие, Жорик?! – восклицала Людмила. – Это же Париж! Париж!!!

– У тебя глаза или из орбит выскочат, или ты их сотрёшь обо все эти местные достопримечательности.

Она залилась колокольчиком и прильнула к мужу.

– Не беспокойся! Не сотру!

– И всё же. Поменьше экзальтации.

– Эгм! – её курносый носик вздёрнулся. – И побольше зашоренности?

– Не передёргивай! – он поморщился и с укоризной посмотрел сверху вниз. Она была ниже его на голову.

– А ты не будь занудой! – она опять против своей воли всплеснула от восторга руками. – Ну как же здесь божественно!

– Соглашусь, – кивнул головой муж. – Особенно на контрасте с Джамахирией.

Георгий и Людмила Караваевы, вчерашние выпускники института стран Азии и Африки, были в Париже проездом. Преддипломная практика, пройденная за 2 месяца в Ливии, суще-

ственно обогатила их арабский язык, отяжелив словарный запас свежими словосочетаниями и идиоматическими выражениями. Впечатления от этого североафриканского, с позволения сказать, соцгосударства тоже были яркими. Жара, песок, советская колония специалистов, разбитая, словно мозаика, на мелкие фронды и фаланги, местное население, столь непохожее на колоритных персонажей из сказок о Синдбаде-мореходе и гнетущее чувство несуразности своего пребывания в чуждой стране.

Знала бы Люда раньше, что она попадёт в Ливию, ни за какие бы коврижки не поступила бы учиться на арабиста. Мудрый и загадочный Восток сыграл над ней недобрую шутку. Заманил миражами слепящей роскоши и будоражащей фантазию таинственности, заманил и выставил напоказ неприличные места нищеты и безобразия. Фу! Как неприятно! Знающие люди, утверждали, что в Эмиратах истинный рай, но кто ж туда пустит студентов из СССР! Там же не наша вотчина.

Зря она послушала Жорку, её одноклассника из французской спецшколы, и пошла с ним поступать на один факультет. Ох, зря! Иллюзии о сказочном востоке замазались ливийской грязью и антисанитарией, а перспектива в карьере выглядела хило и рахитично.

Но разве можно думать о призраке грядущего тут, в Париже? Да что вы! Ни в коем случае! Здесь надо вбираться в себя и пропускать через все клетки организма атмосферу галльского духа.

– Ой, Жорик, смотри, триумфальная арка! – Люда захлопала ресницами и ладошками. – Пойдём туда, ну!

– Да что ты, в самом деле, как дитя капризное!

– А что тут такого?

– Ничего... И, между прочим, ты же в Лувр хотела. А это в противоположную сторону!

– Сначала к арке! – она, как ребёнок, хотела то, что видела.

– С тобой спорить себе же хуже.

Он поплёлся, увлекаемый женой, как породистый и флегматичный дог за холеричной импульсивной хозяйкой. А ему так хотелось усадить свой зад на обшарпанный стул какого-нибудь дешёвого кафе и промочить горло. Даже пусть и не самого дешёвого! Чёрт с ней с валютой! Ради восстановления растроченных кондиций он готов был пожертвовать драгоценными франками! Но этот город свёл с ума его жену! Она стала деспотом и диктовала условия в ультимативной форме.

– Чуть помедленнее, чуть помедленнее! – попробовал он обуздать Люду. – Летишь как казак на дончаке в 1812 году!

– Мало времени! Надо везде успеть!

– Нельзя объять необъятное.

– Стоит только захотеть! – Она распространяла вокруг себя мощное биополе заразной энергии. Но у Жорика за годы совместного проживания выработался не менее мощный иммунитет, защищавший его как прочная кираса от неприятельского палаша.

– Может, сначала заглянем в кафе, а? – он заговорщически подмигнул, лелея слабую надежду. – Чудный кофе, дивный круассан. Эм-м-м. Закачаешься!

– А ты не качайся! – соблазны были решительно отменены. – За мной! На площадь звезды! *Per aspera ad astra!*

Жорик жалобно вздохнул и покорно поплёлся, с безбрежной завистью глядя на вальяжных посетителей парижского общепита, потягивающих на открытых верандах всевозможные напитки. А их тут было море разлитое. Эх-эх-эх!!! Видит око, да зуб неймёт!

Его дядя работал в советском торгпредстве во Франции, что, собственно, и позволило молодой паре задержаться в Париже. Из Триполи в Москву не было прямого рейса, а миновать этот город транзитом, не остановившись в городе на пару деньков, Люда посчитала преступным деянием. Она нажала на мужа, тот связался с дядей, которому родственные узы не позволили отказать племяннику в пустяковой просьбе. Лично приехав в аэропорт на служебной машине,

он отвёз их в крошечную гостиницу на улице Фонтанов, посидел в номере с четверть часа и откланялся. Дела государственной важности!

Париж после Триполи был контрастным душем: освежил, ободрил, вдохновил и потянул к себе во все прославленные кварталы и сомнительные места. Едва обосновавшись, Люда подстегнула мужа, оккупировавшего кровать в релаксационной позе, и погнала его наружу – совершать экскурсию по индивидуальной программе.

Купив у портье карту города, они вышли из гостиницы и спустились к бульвару. Определив направление к метро, супруги неспешно направились к станции.

– Бог мой, ну как тут всё красиво! – восторгалась Люда, складывая на груди пухленькие ручки. – Чудо какое-то! Мы и в Париже! Даже не верится!

– Объективная реальность, данная нам в ощущениях, – менторским тоном отозвался Жорик и, замедлив ход, остановился у витрины, желая пристальнее разглядеть яркий плакат за стеклом.

К нему тут же переместился сухопарый парень, за мгновение до этого стоявший у дверей магазина. Лучезарно улыбаясь и обволакивая Жорика облизывающим взглядом, сублильный субъект стал заманивать потенциального клиента в салон, сопровождая монолог призывными жестами безбрежного гостеприимства.

Жорик, поначалу ответно улыбающийся, как того требовала его московская воспитанность, постепенно стал меняться в лице, добравшись до стадии гримасы человека, впервые приступившего к процедуре уринотерапии.

Он сообразил, что хочет от него француз. От этой догадки его передёрнуло. Тряхнув всем телом и выполнив короткую серию стремительных конвульсий, Жорик отпрыгнул горным архаром в сторону и налетел на Люду. Глаза жены напомнили ему фары неотложки, бившие ярким светом в стекло необычной витрины. Пока без включенной сирены. Мгновенье, и они, как ошпаренные, помчались прочь от проклятого места.

Зазывала секс-шопа стёр с лица улыбку, пожал плечами и переглянулся с коллегой-конкурентом из соседнего магазина. Тот понимающе махнул ему рукой: «целомудренная парочка!».

Завершив манёвр отхода, Караваевы немного успокоились и притулились на бульварную скамейку.

– Фу, чёрт! – перевёл дух Жорик, тревожно глядя в размывшуюся точку своего старта. Вдруг погоня? Нет, вроде тихо. – Надеюсь, что это не провокация! У-у-ух! Хороший спурт! – он выдавил смешок. – Бежали, как черти от ладана!

– Или наоборот, – грудь Люды то вздымалась, то опадала. Трусца тут была не причём. Испуг – вот что заставило колотиться её сердце.

– Первая встреча с прекрасным! – к Жорику стало возвращаться чувство юмора. Он закурил и откинулся на спинку скамейки. – Как в кино! Руссо туристо!

– Облико морале! – подхватила Люда и прыснула.

Напряжение ушло, и ситуация, только что казавшаяся неправдоподобно страшной, превратилась в тривиальную уличную ситуацию: безвредную и забавную.

– Париж вздрогнул от нашего галопа! – выпустив струю дыма, Жорик сделал очередную глубокую затяжку. Никотин успокаивал и восстанавливал душевное равновесие. – Теперь понятна суть выражения: «галопом по Европам». И ведь предупреждал же дядя, что тут рядом этот вертеп. Но я и подумать не мог, что он совершенно под носом!

– Какой вертеп?

– Пляс Пигаль!

– Что это?

– Неужели не знаешь?

– Нет.

– Воспетый поэтами квартал красных фонарей! На лице Люды застыло изумление.

– Да, да! Кстати, вон то здание, видишь? Мулен Руж!

Люда повернула голову и посмотрела в ту сторону, куда указывал Жорик.

– Правда! Знаменитая Красная мельница!

– Уместнее – Красный Маяк, – он сунул окурок в урну и полез в карман за мелочью. Дядя, насколько хватило ему времени, проинструктировал племянника о некоторых особенностях мегаполиса. Из почерпнутой информации он знал, что огромный цилиндр, стоявший на бульваре и напоминающий московскую тумбу для афиш, был автоматизированным общественным туалетом, впускающим в себя нуждающихся за 2 франка.

– Подожди, пожалуйста, я вот в этот киоск наведаюсь.

– С тобой всё в порядке? – в её интонации вибрировало беспокойство. – Может, вернёмся в номер?

– Всё нормально! – бодрым тоном обнадёжил он и спохватился. – Не желаете ли вы первой, мадам?

Она мотнула головой.

– ОК! Я сейчас.

Жорик направился мимо стайки жирных голубей избавляться от драгоценной монеты и переполнявших его чувств, оставив на некоторое время супругу без присмотра. Этим не преминул воспользоваться бойкий негр, материализовавшийся чёрным вертопрахом из тёмной подворотни. Крадучись мягкой походкой пантеры, он неслышно приблизился к намеченной жертве и замер, готовясь к молниеносной атаке. Ничего не подозревавшая Люда, глядячи на циклопических размеров пенал, поглотивший её мужа, крепко сжимала в руках сумочку в мучительном ожидании конца своего одиночества. Париж уж не казался ей таким романтическим и сказочным, как раньше. И в подтверждение её мыслям коварный бульвар выставил перед ней свежий колоритный персонаж.

Новый герой эпизода, обтянутый в драный джинсовый костюм, грациозно выскользнул откуда-то из-за её спины и, угрожающе блестя белками глаз, выбросил вперёд руку. Люда, в чьём сердце еще не остыли угли свежего пассажа, ойкнула, подтянула сумку к подбородку и подпрыгнула как на пружинах. Стоя на скамье, она господствовала над своим визави. Но разве это давало хоть какое-то превосходство бедной женщине в противостоянии существу исчадию ада?

Незнакомца поведение Люды явно смутило. Он втянул голову в плечи, будто ожидая удара по темечку, сделал осторожный шаг вперёд и, корча рожу, быстро затараторил. Что он там говорил, она не понимала. Ужас и паника производили свой лаконичный перевод: «жизнь или кошелёк!»

Ударившие в виски пульсары и гонг в грудной клетке выгнали из женских лёгких душе-раздирающий крик.

Символы мира, ворковавшие у мусорной урны, с шумом взмыли ввысь и унеслись, тревожно хлопая крыльями. Последовал крик второй, мощнее первого. Окна и витрины близстоящих домов лопнули и посыпались стеклянным дождём на тротуары, с прохожих сорвало шляпы, кепи и береты, а кроны деревьев пригнуло к земле. Улица замерла. Так показалось испуганной москвичке.

На самом деле никаких повреждений окружающей среде нанесено не было. Да и вместо истошного вопля из пересохшего горла исходило некое подобие жалобного мяуканья брошенного котёнка. Но и этого слабого колебания звука было достаточно, чтобы заставить отверзнуться дверям огромного тубуса.

Не дожидаясь полного открытия дверей, Жорик активно протискивался в щель. Дорога была каждая секунда! Он орудовал плечами, отодвигая створку и, высунув голову наружу,

бешено тарасил глаза. Руки его были заняты приведением в должный порядок штанов, зато свободные ноги энергично брыкались по внутренней части туалета.

Увиденная им сцена была ему хорошо знакома. Он наблюдал её не раз и не два в театре и на киноэкране. Но там были задействованы артисты, а тут всё по-настоящему! Кроважидный Отелло вот-вот должен был задушить Дездемону!

Завидев заступника, покушавшийся злодей не стал дожидаться его приближения и пустился наутёк, выставив на обозрение обширные потёртости на ягодицах и зияющие дыры на подошвах разбитых кроссовок.

– Ты в порядке? – Жорик наконец-то оказался рядом с женой. – Людочка, как ты?

Он обнял её, спустил вниз и усадил на скамейку.

– Ну-ну, успокойся!

– Что он хотел? – у неё трясся подбородок. – Ограбить?

– Я сначала тоже так подумал. Слава богу, это не так! Это ж клошар! Шэр ами! Шаромыга местный, – он гладил её по голове и целовал в щёчку. – Будь он гангстером, вырвал бы сумку без разговоров и смылся. Мы сами его до смерти застращали!

– Правда?

– Ну, так! – он ободряюще усмехнулся. – Видала, как улепёгывал этот африканский монстр! Пятки сверкали! Жаль, не оказалось рядом Тулуза Лотрека, чтобы изобразить этот канкан! Остановись мгновенье! Ты прекрасно!

Он погладил жену по волосам.

– Этих попрошаек тут пруд пруди. Только что ты имела честь познакомиться с типичным представителем человеческих отбросов Франции. Вот она – отрывка её колониальной политики, гниющая субстанция разлагающейся плоти агонизирующего империализма.

– Долго он агонизирует, – она позволила себе ослабить смертельную хватку и опустила сумочку на колени.

– Чего ж ты хотела? Процесс распада длителен. А мы тут в качестве катализаторов. Ускорим этот самый процесс. Идёт экзотермическая реакция, выделяются миазмы, болезнетворные бактерии... Не успели выйти, как подверглись двум нападкам. Редублеман! – Жорик резко сменил тон и ударил ладонью по колену. – Мой дядя самых честных правил! Подсуропил! Расквартировать в этой облагороженной клоаке! Ну, спасибо! Ну, удружил! Как нарочно! – он погрозил в пространство пальцем и прикоснулся губами к пунцовой и горячей щёчке супруги. – Полегчало?

– Да вроде, – она посмотрела по сторонам настороженным взглядом, цепляясь зрачками за проходящих мимо прохожих. – Сколько же здесь негров!

– И друзей-арабов, – добавил Жорик. – А ты думала тут сплошь Делоны и Ришары? А на поверку вон что оказалось! Мы, русские, сделали из Парижа какой-то фетиш! Приукрасили его и идеализировали. Восторгаемся им и обожаем! Причём заочно! Априори! А в прошлом русская знать звала этот город не иначе как вонючей деревней. Дочь Ярослава Мудрого, отданная в жёны французскому монарху Генриху II, жаловалась папочке на омерзительную грязь и вонь этой дыры. А Фонвизин, путешествуя по Франции, писал в заметках, что в Париже кругом нечистоты, коих людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно.

Насытив тираду историческими фактами, он указательным пальцем легонечко шлёпнул по чуть курносому носику жены и предложил продолжить экскурсию.

Через 20 минут, прокатившись в подземке, они доехали до центра, перешли через Сену по мосту Александра III и пошли ко дворцу Инвалидов. Жорик интересовался, почему именно туда, а Люда смеялась и говорила, что её заинтриговало название. Заходить в него не стали, сделали круг, любуясь величественным зданием, и вернулись на Елисейские поля, намереваясь пройти по ним до площади Согласия и далее в Лувр.

Жорик изнывал от непривычной нагрузки пеших передвижений и канючил проявления милосердия. Париж его утомил. Он жаловался на усталость, брюзжал, что экскурсия сделала из него инвалида без дворца, и молил о биваке на Шампс Элизе или пикничке на обочине парижской суматохи.

Восторга от панорамы города Жорик, в отличие от Люды, не испытал. Зато, какое божественное блаженство расплылось по его изнурённому телу в отдалённом от главной улицы brasserie – где не так баснословно дорого, когда он осушил бокал прохладного пива! Кайф! Лёгкий градус нежно качнул мозг, из которого засочилась крылатая фраза.

– Всё же прав был Генрих, но не тот – второй, а другой – четвёртый! – Жорик блаженно ослабился, подмигнул Люде и смахнул салфеткой пивную пенку, повисшую на верхней губе. – Париж стоит мессы!

Глава 8. Прощай, Германия!

– Прощай, Германия! Прощай сосновый лес!

Нас дома ждут улыбки ласковых невест! – горланили тучные табуны дембелей, коротая время до заветного рейса в Союз и потирая руки в предвкушении момента полного развёртывания на всю катушку, чтобы распоясаться во всю вселенскую. Военный аэродром в Темплине гудел турбинами лайнеров и солдатскими басами. Ушитые до безобразия парадки, обвешанные галунами и аксельбантами, да украшенные иконостасами значков, колыхались в весеннем лесу, сливаясь своим хаки с молодой листвой и хвоей. Жёлтый металл отполированных блях, пуговиц, кокард и эмблем горел на солнце золотом покорённых нибелунгов.

Груды расписных в стилия «а-ля рус» чемоданов, пузатились от немецкого ширпотреба: жвачки, одёжки, обуви и пледов, оберегающих своей мягкостью самодельные кружки с деревянными резными ручками. Но главной драгоценностью фибровой «мечты оккупанта» был дембельский альбом.

Но должно подчеркнуть, что не все смогли уберечь эту бесценную реликвию в первоизданном виде. Кое-кто в кое-каких частях нещадно выхолостил солдатскую святыню, беспощадно вырвав листы с дорогими солдатскому сердцу уникальными фотографиями. Надругательство было обосновано запретом на съёмки секретных объектов и техники Советской Армии.

Но таких пострадавших было не так уж и много. Офицеры большей частью проявляли лояльность, и замполитов, жаждущих учинить костёр тщеславия из дембельских альбомов, было единицы.

Сергей Острогор с однополчанами угодил на рейс, летящий в Омск. В Темплине никто никогда не спрашивал, кому куда надо лететь. Вызывали очередников и сажали на прибывший из Союза борг. Главное – на родину, а там доберётесь!

Самолёт, сделав промежуточную посадку в Ленинграде, приземлился в Омске поздним вечером. Грохоча новехонькими подковами по шатающемуся и стонущему трапу, бурлящий сель дембелей с пугающей скоростью пронёсся по бетонке и ввалился в здание аэропорта. Нахлынув на билетные кассы, необузданная орава стала совать в окошки воинские требования, желая заполучить квиток до заветного места. Будь при себе рубли, то плевать бы на проездные документы, а так – добивайся билета у кассирши за штабные писульки.

– Серёга! – Кричал из людского месива Арсений Рожков, сдерживая могучими плечами наседавшую кучу. – Тут из подходящих вариантов только Фрунзе! Тебе брат?

– Бери! – махнул рукой Острогор, привстав с чемоданов.

– Я на подмогу, – Жека Селивёрстов одёрнул китель и степенной походкой заслуженного биндюжника СССР пошёл в толпу. Врубившись в неё атомным ледоходом, он углубился в плотные слои и смешался в торосах из мужских торсов.

Через 3 часа они были уже в столице Киргизии в квартире старшей сестры Арсения.

– Будьте как дома! – накрывая на журнальный столик, говорила девушка, поминутно удивляясь неожиданному появлению гостей. – Ну надо же! Сенька нагрязнул! Родители-то знают? Нет? Так я им позвоню! А вы пока угощайтесь! В ванной свежие полотенца, душ в вашем распоряжении.

Она делала всё споро, ладно и быстро: симбиоз врождённой ловкости с навыками работы администратора отеля «Интурист». Приехав поступать во Фрунзе в университет, она не прошла по баллам, но зато умудрилась устроиться в гостиницу.

– Не поднимают! – девушка бросила трубку телефона на рычаги. – Наверное, на работе. Позвоню вечером, – она ласково потрепала брата по голове. – Ух, Сенька! Какой же ты молодец, что заехал! Я вам билеты организую, тебе с Женей домой в Чимкент, а Сергею в Джамбул? Я

не напутала? – её умный взгляд остановился на Острогоре, поперхнувшегося пепси-колой от неожиданного женского внимания.

– В Джамбул, в Джамбул! – ответил за однополчанина Арсений. – Там тепло, там его мама!

Все рассмеялись, а девушка принесла из холодильника бутылку «Посольской», которая стала быстро покрываться холодной испариной.

– Уважила, сестрёнка! – Арсений по-хозяйски принялся за откупорку. – Будь ты моложе, посватал бы за тебя Серёгу.

– Жених видный! – Жека припечатал мощной пятернёй по колену Острогора, ломая на его брючине «вечную стрелку», промазанную изнутри немецким клеем «Rapid».

– Ой, спасибо тебе, братик, за комплимент от пожилой женщины!

– Опа-на! Ляп вышел! Пардон! – извинился брат. – Огрубел, знаешь ли, за два года и отвык от приличных манер.

– На первый раз прощаю великодушно. Давайте-ка выпьем за встречу!

– Ай, молодца! – похвалил Арсений и обратился к товарищам. – Какая у меня сестрёнка! А? Золото!

Выпив рюмку, девушка зашпешила:

– Так, я на работу, меня всего на часок отпустили, так что я побежала. А ты, Сеня, подумай о моём предложении: официант в нашем ресторане – доходное место! Уж ты мне поверь! Домой на такси ездят, одеваются хорошо, всегда в белой рубашечке, при бабочке, ну и холодильник всегда полный.

– Чтобы я и халдеем? – возмутился брат.

– Не горячись! Остынь и взвесь!

– Да ни в жизнь!

– Всё же подумай, с друзьями, вон, обсуди! Ребят, надоумьте его!

Она помахала им, улыбнулась, поцеловала брата и выпорхнула на лестничную площадку.

Следующим днём они уже тряслись в плацкарте поезда «Фрунзе – Москва» и продолжали пить водку.

– А помните, мы обещали, что когда будем на гражданке, будем поднимать тост за тех, кто в сапогах? – Сергей обвёл мутным взором собутыльников.

– Помним, – ударил подбородком о грудь Жека.

– За них? – спросил Арсений.

– За них, – подтвердил Сергей.

Накатали, закусили лангетом из «Интуриста», налили ещё.

– А давайте теперь за удачу!

– За удачу, Серый, не пьют.

– Это почему же? – изумился Острогор.

– Вспугнёшь, – пояснил Арсений.

– А мы такие страшные?

Дембеля оценивающе посмотрели друг на друга.

– Нет! – пришёл к выводу Острогор. – Не чмари и не убоища!

– Давайте за новую жизнь! – предложил Жека. – Страна дождей, шалав, велосипедов теперь уже в прошлом. Впереди непаханая целина!

– За освоение целины!

– Стойте! – всполошился дезориентированный Острогор, едва не выплеснув водку на стол. – Разве мы едем в Целиноград?

– Едем мы, друзья, в дальние края... – запел Арсений с комсомольским задором. – Будем новосёлами и ты, и я!

– Потеря чувства юмора, – констатировал Жека.

– А... – недоумение сползло с лица Острогора. – И чувство юмора я не терял. Сам знаешь, кто был в армии, в цирке не смеётся.

– А кто в учебке, тому не страшен Бухенвальд. А сейчас у нас свобода! Вольная воля!

Вольница вела себя шумно, но мирно и не задиралась, и пассажиры, прежде обеспокоенные столь неудобными попутчиками, свыклись с гуляющей троицей и уже не вздрагивали от громких возгласов и грохота посуды. После третьей бутылки, размывшей границы реальности, Острогор глянул на плывущий за окном скудный пейзаж Средней Азии.

– Где мы? – обратился он к проходившей по коридору женщине, опознав в ней проводницу.

– Подъезжаем к Чу!

– Земля обетованная! – воздел руки к небу Арсений.

– Pardon me, boy! Is that the Chattanooga choo choo? – запел Жека.

– Проводница оценивающе осмотрела солдат, скользнула цепкими зрачками по натюрморту и погрозила пальцем.

– Не шалить! – воспитательница и карапузы в песочнице.

– Обижаешь, мать! – Жека открыл огромные ладони. – Это серенада солнечной долины!

– Попрошу не увлекаться серенадами и руладами!

– Не извольте беспокоиться, владычица! Мы – мирные люди, – заверил Сергей. – Без бронепоезда. Но на фирменном!

– Нам нужен мир! – Арсений скопировал Брежнева, смачно шамкнул, крикнул и добавил. – Желательно весь!

– Смотрите, ребята, – потеплела женщина. – Уж не подведите.

– Так вот она какая, сказочная Чуйская долина! – расплющив нос по грязному стеклу, дивился Арсений Рожков на тянущуюся за окном равнину.

– Сказочная страна! Поле чудес!

– Давай новый пузырь! – Женю Селивёрстова не привлекала раскинувшаяся под голубым казахским небосводом призрачная пастораль.

– Водка лучше дури!

– Одно другому не мешает, – изрёк земляк и опустил тяжёлые веки. От частивших столбов линии электропередач, чёрных как обугленные головешки, зарябило в глазах.

– Замечтался о пяточке? Успеется на ковре самолёте полетать.

– Да-а-а, Сень, у-с-спе-ее-ш-ш-шь, – зашипел Острогор, которому всё труднее и труднее удавалось регулировать работу языка.

– Ты дома раньше будешь, – с лёгкой завистью сказал Арсений. – Джамбул уже через час.

– Не-а, – мотнул головой Острогор. – Бо-о-ольш-ш-ше!

Стряхнув пыль мечтательности, Рожков выудил новую кеглю «Посольской» и вонзил её в останки растерзанной курицы, разбросанных на пропитанной жиром газете. Эстафета застолья не прерывалась. Стаканы наполнялись и опорожнялись, наполнялись и опорожнялись. Тосты уже не произносились, закуска стала безразличной, и застолье потеряло приличествующую окантовку светского мероприятия.

И Рожков, и Селивёрстов были статными парнями, превосходившие Острогора и в росте, и в развороте плеч, и в объёмах желудков. Эти анатомические и физиологические преимущества позволяли им преодолевать побочные эффекты водки, торпедирующие организм по жизненно важным узлам и коммуникациям. А что же Острогор? Увы! Его биологическая система была не столь крепка. Повышенные дозы алкоголя, ускоренный темп и отсутствие сноровки загнали его органы жизнеобеспечения в режим запредельных перегрузок.

Вылив в себя очередную порцию водки, Сергей почувствовал проникновение в ротовую полость раскалённого зонда, поползшего глубоко внутрь, раздирая на своём пути ткани пище-

вода. Достигнув желудка, щупальца впились присосками в его стенки, намотали их на себя, как плёнку на веретено, и потянули наружу.

Острогор вскочил, выпучив по-рачьи глаза, и кинулся к окну. Товарищи верно истолковали порыв сотрапезника и грамотно, а главное, своевременно, выполнили акробатический этюд по выводу собственных тел из радиуса зоны обстрела. К чести канонира, он успел высунуть мортиру в бойницу и произвести несанкционированное бомбометание.

Был ли то трезвый расчёт пьяного дембеля, или в события вмешалась пресловутая случайность, но необычный снаряд точнёхонько накрыл цель. Тщедушный аксакал на карликовом ослике-долгожителе, ожидавший прохода поезда в опасной близости, поплатился за презрение к элементарным нормам безопасности. Ниспосланная свыше кара шмякнулась на выцветшую тубетейку старика массивным испражнением гигантской птицы Рух и поползла по морщинистому лицу и костистым плечам. Не везде выпадает манна небесная.

Налившиеся кровью глаза вспыхнули, злая камча распорола воздух, и вслед уносящемуся охальнику, продолжавшему обильно помечать степь отторгнутой пищей, понеслись страшные проклятья.

Острогор с искренним сочувствием пожалел незадачливого аборигена, пострадавшего от его бомбомёта. Элементы непринятой закуски разлетелись шрапнелью, вливая в верблюжью колючку и гравий насыпи. Когда весь боезаряд был израсходован, канонир вернулся на исходную позицию.

– Хороший фейерверк получился! – резюмировал Селивёрстов, следя за оливковой плёнкой с вкраплениями солёных огурцов и волокон куриного мяса, дрейфующей по стеклу под воздействием набегающих потоков воздуха.

– Праздничный салют! – веселился Рожков. – В честь возвращения героя на родину!

– Всё! – утёршись рукой, выдохнул Острогор. – Хватит!

– Ладно тебе, Серёга! Прополоскался, теперь можно и по новой!

– Нет, Сеня. Скоро дом, надо быть в форме.

– А ты и так в форме! В парадной! Давай-ка не подводи наше боевое братство! – он толкнул Селивёрстова плечом. – Вздрогнем, Жека?

Селивёрстов молча поднял руку и показал зазор между большим и указательным пальцами.

– Джуз грамм. Эмм?

– Не оспариваю. Джуз, так джуз.

– Это – последняя, – сощурился на стакан Острогор.

– Финальная, – поправил Рожков.

Остановка в родном городе была 15 минут. Троица спустилась на перрон: Острогор с чемоданом, Селивёрстов и Рожков – с бутылками, закуской и стаканами.

– Вот ты и дома! – Жека осмотрел серовато-белое бетонное здание вокзала с огромными часами на фасаде. – На посошок?

– Давай, Серый! – Рожков уже совал стакан. – Стременную! Острогор, искажаясь в лице, поставил чемодан и принял граненое подношение.

– Не кисни, Серёга! Это же наша водяра, а не вонючий немецкий «Кристалл»!

От воспоминаний о мерзком гэдээровском пойле Острогор ощутил рвотный позыв. Собрав волю в кулак, он загнал в себя опостылевшую за поездку жидкость и сделал громкий выдох.

– Это ещё что за гульбище?!

Потрявоженное трио озадачилось: кто бы это мог быть?

– Полное попрание всех норм устава! – обвинитель в капитанских погонах и красной повязке на руке был суров и решителен. – Что за расхристанный вид! Да вы пьяны!

– Серёг, ты ж говорил, что в Джамбуле патрулей не бывает! – пряча за спину бутылку, удивился Рожков.

– Это-о-от пе-е-е-рвый в моей жизн-и-и-и.

– Документы! – рыкнул офицер и угрожающе накренил корпус. Стоявшие за его спиной солдаты комендатуры на всякий случай подступили к капитану поближе.

– Три на три! – Селивёрстов флегматично хрустнул огурцом и потёр ладони. – Игра в равных составах.

– Что вы там бормочете? Документы!

– В поезде.

– И ваши? – спросил офицер Острогора, покачивавшегося возле чемодана, как утлое судёнышко возле буя.

– И мои? – тоже спросил Сергей. Капитан заложил за спину руки.

– Дембеля?

– Дембеля.

Он посмотрел на солдат глазами сытого хищника и неожиданно смилостивился.

– Не буду портить вам праздник.

– Вот это правильно! – похвалил Селивёрстов. – Может, присоединитесь, товарищ капитан? – Жека показал из-за спины горлышко «Посольской».

– Живо в вагон! – рявкнул капитан и любопытствовал у Острогора. – В состоянии домой добраться?

– Смогу-у-у, – кивнул Сергей головой, роняя на перрон фуражку.

– Серый, возьми трёшку на мотор! – Рожков стал совать товарищу зелёную купюру. – Быстрее и надёжнее!

– Не н-а-а-адо! – Острогор гордо поднял голову, на которую один из солдат наряда нахлобучил подобранный картуз с выгнутой кокардой. – Я тебе за билет ещё должен. Завтра же вышлю на твой адрес!

– Твой товарищ прав! – капитан засунул трёшку в карман Серёгиной рубашки. – Поезжай, братец, на такси!

Бесцеремонно скомкав и властно оборвав процедуру расставания, капитан дождался посадки в вагон дембелей-транзитников и проконтролировал удаление с перрона прибывшего пассажира, проглоченного дверьми центрального входа. Через минуту, пронзив зал ожидания зигзагообразным курсом, Острогор выполз на противоположной стороне вокзала. Сдвинув слегка деформированную фуражку на затылок и оправив китель, сержант запаса окинул взглядом полководца открывшийся перед ним вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.